

Валерий Коровин

Удар по России

Геополитика
и предчувствие
войны

Валерий Михайлович Коровин

Удар по России. Геополитика и предчувствие войны

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6362055

Удар по России. Геополитика и предчувствие войны: Питеер; СПб.; 2014

ISBN 978-5-496-00707-8

Аннотация

Прошлое России – отвергнуто, настоящее – невыносимо, будущее – непредсказуемо. Нынешний неопределенный статус России – это и есть главная угроза потери ею своих идентичности и суверенитета. В такой ситуации УДАР ПО РОССИИ возможен, утверждает автор книги, известный геополитик и евразиец Валерий Коровин.

Непоследовательность действий России позволила США разгромить Сербию, вторгнуться в Афганистан, Ирак, Ливию, лишить суверенитета Египет, взорвать Сирию и присутствовать на Кавказе, неумолимо продвигаясь к нашим границам. Против России используется «стратегия анаконды» – постепенного «удушения», и она близка к завершению.

Книга-предупреждение Валерия Коровина написана ярко и аргументированно. По сути, автор утверждает, что Третья мировая война уже идет, и конечной целью главного агрессора –

США – является Россия. При этом автор не исключает и прямого военного удара по территории России, описывая ход возможной военной операции и ее последствия. Хочется верить, что в своих мрачных прогнозах он ошибается...

С предисловиями Максима Шевченко и Александра Дугина.

Содержание

Предисловие М. Шевченко	6
Предисловие А. Дугина	8
Удар по России	16
Глава 1	29
Вызов безопасности	29
Реализм и безопасность	31
Либеральная модель: разночтение понятий	36
Глобальная двухполюсная безопасность	46
Постпозитивистский подход: борьба с «несуществующей» опасностью?	50
Стратегическое видение ситуации	57
Россия должна определиться с концепцией	63
Пять принципов внешней политики России и американский ответ	71
Первенство международного права – конец ООН	72
Однополярность неприемлема – усиление грубого давления	76
Россия не хочет конфронтации ни с одной страной – открыть Америку	80
Защита граждан: забыли русских	86
Внешнеполитические интересы – «цветные» революции	89

Проигрыш всухую	93
Хозяйственные вопросы вместо внешней политики	94
Неверное направление	95
СНГ: приоритеты третьего сорта?	100
Авангардный ход российской дипломатии	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Валерий Михайлович Коровин Удар по России. Геополитика и предчувствие войны

Предисловие М. Шевченко

Я считаю, что книга Валерия Коровина «Удар по России» является прекрасным результатом некоего почти алхимического сочетания политической воли, интеллекта, направленного на понимание мира, и понимания тех задач, к которым эта воля может быть приложена для изменения мира в лучшую сторону. Что значит «в лучшую»? Валерий Коровин, безусловно, традиционалист. Он стоит на позициях защиты человеческого, в том понимании, в каком человеческое имеет высший смысл, — выходя за рамки чисто биологического. И эта интерпретация приводит его и к серьёзным масштабным геополитическим концепциям, к пониманию связи человека со временем, пространством и в какой-то мере с вечностью. Я рекомендую книгу Валерия Коровина «Удар по

России...» каждому, кто не только любит Россию, но и болеет за Россию, каждому, кто хочет не просто спасения души, что тоже немало, но и осмысленной политической борьбы ради того, чтобы в этом мире восторжествовали правда Божия и истинное человеческое служение.

*Максим Шевченко, журналист, политолог,
общественный деятель*

Предисловие А. Дугина

Книга молодого политолога, публициста, общественного и политического деятеля Валерия Коровина посвящена геополитическим вопросам. Это своего рода маршрутизатор для понимания и отслеживания тех тенденций, которые разворачиваются в современном мире. С распадом одного из полюсов двухполярной системы по сути дела распался Ялтинский мир, распалась биполярная логика и идеологическое обоснование международной структуры отношений.

Новая архитектура мира начала складываться на наших глазах, и сразу стало очевидно, что у мирового сообщества в данном случае нет адекватного инструментария для того, чтобы осознать фундаментальное изменение этой архитектуры. Таким инструментом с конца 1980-х гг. сделалась всё более возрастающая в своем значении геополитика как метод, как модель интерпретации, как инструмент анализа международной ситуации, как способ мышления, объясняющий процессы международной политики. Специфика этого метода была настолько необычной, непривычной для международного сообщества, что до сих пор теории самых разных геополитических школ многим кажутся экстравагантными, необязательными и причудливыми. Тем не менее геополитика с каждым днём завоёвывает всё больше и больше внимания. Создаются новые школы геополитики, поскольку в

этой дисциплине чрезвычайно важно, где находится наблюдатель, от позиции наблюдателя, в том числе, зависит осмысление и описание процессов. Не существует какой-то одной, единой, «объективной геополитики». Существуют правила, по которым действуют различные геополитические акторы, существуют закономерность и взаимосвязанные логические процессы, но от того, где находится человек, описывающий геополитическую систему, на чьей стороне он играет, зависит вся логика и структура его объяснений. То есть геополитика – это дисциплина, которая призывает мыслить пространственно.

Книга Валерия Коровина в этом смысле является значимой вехой в развитии фундаментального внедрения в российское общественное, политологическое, международное самосознание норм и принципов российской геополитической школы, которую вполне уместно назвать евразийской геополитикой. Неслучайно автор этой книги является одним из создателей Международного «Евразийского движения» и директором Центра геополитических экспертиз. Это означает, что евразийское позиционирование осознаётся и признаётся автором как точка отсчёта. Это упрощает многое для понимания его идей, поскольку с самого начала мы знаем, каких взглядов придерживается автор. Он говорит «да» факту своего рождения, своей принадлежности к России, своей этнической и исторической идентичности, и это является неким предисловием к его исследованию, ничуть

не лишая его объективности, достоверности и убедительности. Это геополитический взгляд человека, который осознаёт свою евразийскую, то есть русскую, российскую идентичность и смотрит на великую шахматную доску, о которой писал Бжезинский, с совершенно однозначной точки зрения. Вся методология описания геополитической ситуации определяется этой осознанной, принятой, закреплённой, осмысленной и волевым образом избранной и подтверждённой идентичностью.

Таким образом, в книге Валерия Коровина мы имеем дело с документом, развивающим основные постулаты евразийской геополитической школы.

Евразийство представляет собой явление многосложное, оно имеет чисто философский, общественно-политический, организационный, структурный уровни, но на уровне геополитики евразийство – это как раз одна из двух глобальных геополитических систем взгляда на архитектуру мировых процессов.

Следуя за классической теорией больших пространств, которая была описана известным геополитиком и одним из крупнейших философов Карлом Шмиттом и которая внесла наибольший вклад в историю науки, в своей книге Валерий Коровин оперирует базовым, ключевым для него понятием – империя. Но империя в данном случае определяется автором как геополитическая категория. По сути дела, империя в геополитической модели – это понятие, которое обращает

нас не к прошлому, а к настоящему и особенно к будущему. Империя в геополитическом контексте является сугубо техническим, методологическим определением большого пространства.

Согласно основной базовой аксиоме современной геополитической картины, в данный момент мы находимся в процессе выяснения основного и главного, первоочередного и фундаментального параметра будущего мира: будет ли этот мир однополярным, или он будет многополярным. И однополярность, и многополярность уже несут в себе отсылку к империи. И принцип империи в обоих случаях – и в случае возможной однополярности, и в случае альтернативной возможности многополярности – является центральным геополитическим концептом.

Дело в том, что однополярный мир представляет собой как раз модель империи, но только одной империи, в единственном числе. В своей книге Валерий Коровин всесторонне описывает основные параметры того американоцентричного однополярного мира, который стремится навязать человечеству единую империю. Называется эта империя Единым миром, Новым мировым порядком, глобальным гражданским обществом или мировым рынком, но, по сути, всё чаще и чаще американские политологи называют вещи своими именами и говорят о том, что Америка строит Мировую империю. Вот такая империя, идея установления однополярного мира с общим экономическим, культурным, по-

литическим, социальным и информационным кодом представляется американцам. Этот код является развитием или проекцией американской политической и социально-экономической модели, где глобальный рынок и либеральная демократия берутся в качестве политической системы, а гражданское общество в качестве юридической основы. Это империя, которая на наших глазах активно творится американцами и в значительной степени за наш счёт. Эта американская империя является главным содержанием международных процессов.

Если мы внимательно вчитаемся в текст данной книги, мы поймём, что автор призывает нас начать процесс осмысления альтернативы этому американскому однополярному проекту, которому, убеждён Валерий Коровин, необходимо противопоставить некий принципиально иной мировой уклад. Но, как это ни парадоксально, когда мы начинаем всерьёз, ответственно, опираясь на геополитический инструментарий, мыслить относительно этой альтернативы, мы приходим к такому заключению, что альтернативой этой империи может быть только империя. Но не в единственном числе. Вопрос здесь ставится так: либо одна империя, либо несколько. Этому, по сути дела, и посвящена книга Коровина. На конкретных примерах он показывает, откуда идёт основная угроза для России и чем может закончиться пассивное созерцание надвигающейся угрозы. Удар по России со стороны американской империи не только возможен, но и

предопределён в том случае, если Россия в кратчайшие сроки не развернёт строительство альтернативного мироустройства. Более справедливого, не с одним, но с множеством центров. Только такая многополярная альтернатива справедливого мира сможет остановить агрессивный накат американской империи на всё множество цивилизационных, культурных, религиозных и этнических типов обществ нашей планеты.

В своей книге Коровин, с одной стороны, разбирает различные аспекты деятельности тех, кто строит единую глобальную империю путём политических и сетевых процессов, путём дипломатии, путём создания агентуры влияния, путём конкретных, в конечном итоге, военно-политических столкновений. С другой стороны, автор описывает тот сценарий, по которому можно остановить, сорвать строительство этой однополярной империи и организовать новый многополярный мир.

Многополярный мир, о котором говорит Коровин в своей книге, не может основываться на сохранении «постялтинского статус-кво». Полюсами этого многополярного мира не могут быть национальные государства, провозглашённые Вестфальской системой ещё в XVII веке. По мере описания нынешних угроз, стоящих перед Россией, становится очевидно, что количество полюсов в мире не может быть равно количеству национальных государств. Полюсов будет намного меньше. Поскольку, только объединившись, различ-

ные национальные государства могут составить совокупно то общее стратегическое, экономическое, политическое, военное, социальное пространство, которое способно по-настоящему защитить интересы, свободу, независимость и собственный путь всех тех народов и государств, которые объединились. Это и есть империя, причём империя в данном случае не глобальная, а локальная, или региональная. Лишь объединившись по цивилизационному признаку, народы и государства способны оформить некое подобие геополитического субъекта, который сможет отразить удар американской империи. Находясь в разрозненном состоянии, ни одна из арабских стран не смогла отразить волну инициированной Вашингтоном «арабской весны». Но перед таким накатом не устояла бы даже ни одна из европейских стран. И вот теперь Россия, по мнению автора, находится под ударом. Отдельно, сама по себе, она не способна в своём нынешнем состоянии отстоять свой суверенитет, что и делает удар по России неизбежным.

Напротив, лишь претензия на статус полноценного полюса многополярного мира создаёт устойчивую модель безопасности не только для самой России, но и для всех тех, кто объединится с нами перед лицом надвигающейся глобальной угрозы с Запада, сметающей всё на своём пути. Но для того чтобы стать полюсом – уверен автор, – надо стать империей. А для того, чтобы стать империей, надо объединить народы и государства по цивилизационному признаку, на основе стра-

тегических интересов, общих ценностей, в некие наднациональные образования. Одной из таких империй должна быть Евразийская Империя – империя нового – справедливого и безопасного мира.

Александр Дугин

Я вообще убежден, что президентство Дмитрия Медведева в российском обществе будет восприниматься как полный провал. Он вёл себя непоследовательно и никакого реального влияния на политику, будучи президентом, не оказывал. Он обагрил свои руки кровью Каддафи и провалил выборы в Государственную думу, возглавив партию, после чего люди просто отказались за неё голосовать.

Александр Дугин

Удар по России

«Гул моторов разбудил утреннее небо Москвы». Обычно так начинаются художественные повествования о начале бомбардировок. Но только не сейчас. Никакого гула не было, всё произошло куда более прозаично. Несколько взрывов прогремело где-то за пределами Москвы, скорее, в дальнем Подмосковье. Потом ещё серия через полчаса, взрывов семь или восемь, как раскаты грома, пронесли над спящей Москвой. Потом затишье, но уже стало совершенно понятно, что «что-то происходит». Что-то гораздо более серьёзное, нежели пожар на вещевом рынке, возгорание торфяников или даже падение авиалайнера на взлёте около одного из московских аэропортов. Сознание отказывалось верить в произнесённое телевизионным диктором, который и сам, похоже, не верил в то, что говорил. «Сегодня в 6:45 утра американская авиация нанесла несколько бомбовых ударов по комплексам противовоздушной обороны и пусковым установкам стратегических ядерных сил России. Около семи утра было поражено ещё несколько объектов российских ПВО, в том числе в районе посёлка Северный в подмосковном Хотьково. Как заявил официальный представитель Пентагона, серия ударов по объектам российской противовоздушной обороны была также нанесена около семи часов утра близ белорусско-польской границы. По его

словам, “на данный момент военно-воздушным силам США ничего не угрожает”. Несколько элементов, расположенных вокруг Москвы и вызывавших опасение командования, не более чем через полчаса были подавлены натовской авиацией». Произнеся это, диктор невольно оглянулся, как будто пытался удостовериться, что всё это происходит и, действительно, именно с ним.

Другой канал транслировал интервью с сопредседателем вневедомственного экспертного совета по воздушно-космической обороне (ВКО). «Последний комплекс С-300ПМ для российской армии был произведён где-то в 1994 году. С тех пор Россия производила эти комплексы только на экспорт, но в 2011 году были прекращены и новые экспортные заказы на С-300, те же, что стояли на вооружении российской ПВО, были настолько изношены, что проблемным было даже их развёртывание. Кое-где стояли ещё С-200. Они вообще представляли собой чистую декорацию. Планировалось, что все они будут заменены на С-400, и даже речь шла о С-500, однако с 2012 года ни одна новая установка на вооружение так и не поступила». Ведущая несколько рассеянно глядела куда-то в сторону от собеседника. Эксперт замолчал, закончив фразу. Возникла пауза. По идее, нужно было задать какой-то вопрос, но интервьюерша лишь пошевелила губами, продолжая смотреть куда-то мимо. Эксперт продолжил, как будто вспомнив: «...ну и система противоракетной обороны Москвы полностью устарела, новая же должна

была быть создана на базе системы С-500 после 2015 года. Она должна была полностью заменить систему ПРО вокруг Москвы А-35, созданную ещё в 1970-е годы», – сказал он, вновь предательски замолчав. «Но сейчас, – вдруг как будто очнувшись ведущая, – сейчас у нас есть что-то? Почему не отвечает наша ПВО?» «Сейчас наша ПВО – это элементы ЕвроПРО, – продолжил эксперт, – мы не предложили свои системы, просто не успели довести их разработку до нужной кондиции, поэтому в качестве своего вклада в ЕвроПРО мы предложили лишь свою территорию. Ну, а почему она не отвечает... – конструктор сделал паузу. – Видимо, потому что НАТО – это в том числе и европейский военный альянс».

Выпуски новостей сменяли друг друга, как будто соревнуясь, хотя большинство каналов продолжало вещать в обычной сетке, транслируя развлекательные передачи и сериалы как ни в чём не бывало. «Страны – члены НАТО и другие государства – партнёры по международной коалиции выдвинули перед Владимиром Путиным условия прекращения бомбардировок, отмечается в заявлении, принятом в четверг на совещании глав МИД стран альянса в Берлине», – начался очередной новостной выпуск. Постепенно складывалась картина происходящего, как-то уж больно напоминавшая то, что происходило где-то далеко, в бывшей Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, а затем в Иране. И вот теперь в России, прямо здесь, в Москве, всё происходило абсолютно так же. Оказывается, что теперь не скрывали натовские

генералы, перед началом операции была проведена тщательнейшая разведка наших стационарных систем вооружения, в первую очередь ракетных войск стратегического назначения (РВСН), пунктов управления, узлов связи средств разведки и их возможное огневое и радиоэлектронное поражение в самом начале боевых действий. Собственно, реализовано было уже не только радиоэлектронное, но и огневое поражение. Системы ПВО у границ России были уничтожены американскими самолётами прорыва F-16CJ Wild Weasel, предназначенными для подавления противовоздушной обороны, ещё в первые минуты начала операции.

Теперь уже стало понятно, об этом говорилось как о чём-то само собой разумеющемся, что комплексы ПВО в том виде, в каком они поставлялись в армию вплоть до последнего момента, в принципе не могли обнаруживать низколетящие, маневрирующие цели. Оказывается, как пояснил эксперт Министерства обороны в эфире одной из радиостанций, и радиолокаторы самолётов не могли обнаружить цели на фоне естественных и искусственных помех, из-за чего поднятая по тревоге с белорусских аэродромов авиация не смогла осуществить ни одного прицельного залпа. «Радиолокаторы самолётов МиГ-25, МиГ-29, МиГ-31 с большим трудом обнаруживали цели, при этом на небольшом расстоянии и только в том случае, если цель перемещалась с небольшой скоростью. Если же цель делала манёвры относительно перехватчика, то радиолокаторы этих самолётов вовсе не могли

их обнаружить». «То есть вы хотите сказать, что наша авиация в принципе была неспособна отразить атаку натовских самолётов и ракет “Томагавк”? – с нескрываемым раздражением в голосе спросил ведущий в студии. – И это наша хваленая авиация, которая называлась одной из лучших в мире?» «Да нет, сами самолёты здесь ни при чём», – начал было отвечать эксперт... «А что при чём?» – сорвался ведущий. «Дело в том, что радиолокатор самолёта МиГ-31 не может обнаруживать перемещение цели во всём диапазоне 360 градусов. Его локатор позволяет обнаруживать цель только в диапазоне 60 градусов. И к этому надо добавить, что МиГ-31 может обнаруживать цель на значительно меньших расстояниях, чем его зарубежные аналоги, и в частности F-14. То есть, исходя из этого недостатка, следует констатировать, что практически все самолёты типа F-14, F-15, F-16, F-18, SR-71 в принципе не могут быть обнаружены и поражены системами вооружения самолётов, ни МиГ-23, ни МиГ-29, МиГ-31, МиГ-31М, СУ-27, ни СУ-30».

Как сообщали СМИ, «из-за недостатков комплексов перехвата самолётов МиГ-31 все поднявшиеся в воздух самолёты были безнаказанно уничтожены натовскими F-14», из чего тут же был сделан неутешительный вывод о том, что самолёт МиГ-31 вообще не может противостоять «Фантому» и уничтожается сразу и бесконтактно. Тут же что-то сообщалось о причинах, кроющихся в ущербной системе радиолокационного обеспечения МиГа, и о том, что на МиГ-31, оказывает-

ся, стоит «фазированная антенная решётка с электронным сканированием» и что это «главная беда самолёта МиГ-31», а на всех американских самолётах и их европейских аналогах стоят щелевые антенны. Но все эти технические подробности уже звучали как-то бессмысленно и обречённо.

Одно чудовищное откровение следовало за другим. Выяснялось, что и зенитчики оказались в ситуации полного бессилия. Заместитель командующего войсками оперативно-стратегического командования Воздушно-космической обороны пытался как-то оправдаться: «Все российские зенитные комплексы, оборудованные отечественной аппаратурой радиоэлектронного противодействия, в принципе не могли обнаружить и уничтожить атакующие цели». Хотелось спросить этого человека, почему же это конструктивное и технологическое бессилие, со всей наглядностью продемонстрированное в военных конфликтах в Сирии, Ливии, Ираке и Югославии, где использовались те же самые зенитные комплексы, не заставило полностью отказаться от них? Но и на это у высокого военного начальника нашёлся ответ. Выяснялось, что при проведении государственных испытаний данных комплексов систематически осуществлялась фальсификация показателей, подтасовка фактов и данных. «Прилёт самолёта Мартина Руста на Красную площадь и военные конфликты последних лет наглядно демонстрировали это», – как будто открывая для себя загадку происходившего, парировал военный чиновник.

Москва же, к удивлению российских военных, продолжала подвергаться «точечным бомбардировкам», сделавшись совершенно беззащитной. Информация о лежащем в руинах «противовоздушном щите» столицы оказалась государственной тайной исключительно для самих военных, которые только сейчас заговорили о том, что система ПВО А-35 вокруг Москвы безнадёжно устарела более четверти века назад, что в ней используются два типа ракет, «один из которых давно практически не боеготов». «Что касается второго типа ракет, – с увлечением рассказывал какой-то полковник, – то у них боевые части хранились отдельно от самих ракет. Соответственно, время их снаряжения оказалось неадекватно времени подлёта средств нападения противника».

Все ждали заявлений официальных лиц. Как-то синхронно по всем каналам одновременно вдруг началось включение из резиденции в Ново-Огарёво. За столом сидел Владимир Путин, как-то вполоборота, будто рассказывая кому-то слева от себя, между делом. «Впрочем, сейчас непосредственной угрозы нанесения целенаправленного ядерного удара по Москве не существует... – Он вдруг как будто бы только заметил присутствие камер у себя в кабинете, с недоверием повернул голову в их сторону, но тут же вновь продолжил, обращаясь к кому то слева: – Мы не станем применять ядерное оружие, так как это будет неадекватно текущей ситуации, а Китай использует ракеты только как средство ядерного сдерживания. Так мы считаем...» – как-то с грустью завершил

Путин. Трансляция прервалась так же резко, как и началась. Из сказанного, да ещё в такой странной манере было совершенно непонятно, осознаёт ли руководство страны серьёзность происходящего, готовит ли какие-то ответные меры. Вопросов стало ещё больше, чем было до «включения». С кем разговаривал Путин, кому он это рассказывал?

Как будто в подтверждение слов о том, что «сейчас непосредственной угрозы нанесения ядерного удара по Москве не существует», начался сюжет, в котором рассказывалось, как журналисты побывали на заброшенном подмосковном объекте ПВО. В кадре появились разрушенные ангара и портреты членов Политбюро ЦК КПСС. «Ранее СМИ уже писали, что многие объекты советской системы противовоздушной обороны Москвы превратились с тех пор в руины. Но если раньше некоторых объектов не было ни на одной карте, то теперь их нет и в действительности, тут руины, – комментировал корреспондент “Вестей” транслируемую картинку. – Мы побывали на одном из таких объектов – в районе так называемой большой бетонки». Камера беспристрастно передавала свидетельства преступления против безопасности страны на фоне закадрового комментария репортёра. «В глубине – система тамбуров, висят инструкции, при каких видах заражения какую дезинфекцию надо пройти. Герметичные двери уже растащили, и запутанная система комнат выводит в такой же огромный ангар на другой стороне холма», – продолжал корреспондент. Проводник за-

водит журналистов в ангар, где располагалась канцелярия. «Судя по газетам и записям, жизнь тут замерла в 80-х годах прошлого века. В комнате отдыха до сих пор висит портрет Ленина и стоит телевизор “Рубин”. О том, что это не простые развалины, напоминает только тот факт, что вблизи этих мест до сих пор не было разрешено строительство».

Собственно, сами ракетно-бомбовые удары, как казалось, начали происходить по нарастающей. Телевидение всё ещё работало, хотя все помнили о том, что и в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и Иране вещательные станции и телестудии становились мишенями одними из первых. Видимо, в том, что телевизионное вещание всё ещё продолжалось, была какая-то логика, все ждали чего-то главного, сообщения или сюжета. Но эфир был заполнен лишь свидетельствами добровольной капитуляции. Вспомнилось всё. И то, что США на протяжении последних как минимум десяти лет усиливали ПРО возле восточных рубежей России, и то, что самый большой американский радар морского базирования был перенесён на Алеутские острова в Беринговом море, поближе к Камчатке, хотя ранее он располагался на базе Пёрл-Харбор на Гавайях. Напомнили и то, что система такого типа способна отслеживать и распознавать в космосе даже небольшие объекты – и потому сейчас наша система спутникового контроля выведена из строя. Сюда же, в копилку стремительного американского военного успеха, видимо, следовало теперь уже отнести и пусковые установки антиракет в Поль-

ше, радарную станцию в Чехии, покрывшую Белоруссию и Украину и сделавшую бессмысленным ответный ракетный удар. По крайней мере именно этим можно было хоть как-то объяснить то, что спустя сутки после начала натовской атаки такого удара так и не последовало.

Объекты американской ПРО в Западной Европе, на Дальнем Востоке, радиолокационные системы на Алеутских островах, в Калифорнии и на Аляске, в Великобритании, Гренландии и на острове Хонсю в Японии – сознание отключалось уже только от одного перечисления. Хотелось кричать, выть от боли, от злобы, от безысходности.

«...16 крейсеров и эсминцев, оснащённые противоракетами СН-3, в Тихом океане и Средиземном море, элемент глобальной американской ПРО в Израиле», – волосы шевелились на голове от вдруг свалившегося на голову объёма того, что стало залогом успешности столь безответной, вопиющей по своей безнаказанности и ставшей такой неожиданностью прямой военной агрессии. Да, теперь можно было сколько угодно успокаивать себя объяснениями о том, что в 2013 году американская РЛС раннего предупреждения перекрыла всё Северное полушарие от Калифорнии до Центральной Европы, что в Тихом океане появились радиолокационные системы, более 50 установок наземного и до 100 установок морского базирования, а к началу операции США закончили разработку установок противоракетных лазерных систем и мобильных систем перехвата. Но всё это уже не имело

никакого значения.

Ситуация была настолько чудовищно провальной, а беспомощность настолько очевидной, что странной теперь уже казалась мысль о том, что западная коалиция почему-то могла бы не осуществить этой агрессии. Всё состояние дел просто провоцировало сделать это. И даже то, что Россия как-то нелепо и совсем несвоевременно всё же настояла на полной утилизации зарядов и носителей, а также на сокращении до трёхсот ядерных боеголовок с обеих сторон. Ведь уже тогда было очевидно, что для США, имевших достаточно других высокотехнологичных вооружений для того, чтобы доминировать в мире, это не станет проблемой. Многокомпонентная и постоянно развивающаяся система противовоздушной обороны, лазерные пушки на “Боингах”, чтобы сбивать ракеты, стартующие с подлодок, и космические платформы, которые были развёрнуты на орбите в 2012 году, – всё это дало возможность с лёгкостью согласиться на российское предложение о ядерном разоружении.

Теперь уже никто и не скрывал, в первую очередь со стороны американских военных чиновников: даже за время выполнения договора СНВ-1 США постоянно и намеренно допускали его нарушение. Вместо того чтобы уничтожить ракеты, как это делала Россия, они складировали их, сохраняя ядерные боеголовки и вторые ступени ракет, то есть так называемый возвратный потенциал, также сохраняя пусковые установки. В конце 2001 года США в одностороннем

порядке вышли из договора по ПРО. В декабре 2002 года Вашингтон приступил к созданию НПРО, в результате чего США получили серьёзное стратегическое преимущество. Россия добровольно снизила свою возможность ответного удара, чем ослабила свой оборонный потенциал. Без ядерного щита Россия стала уязвимой для вторжения. Оставшуюся ядерную угрозу легко предотвращала американская система ПРО, но...

Следующим кадром стал кабинет премьера, за столом – он и министр обороны. «Я хочу объявить вам о том, что только что я подписал указ о вашей отставке. Министерство обороны не справилось с перевооружением, поставленные мною задачи не выполнены, реальная ситуация в нашей армии не была доложена вами в полном объёме». Премьер замолчал. Тишину разрывали щелчки фотовспышек. «В сложившейся ситуации я как исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего хочу сообщить вам, а также всем гражданам России о своём решении. Россия всё ещё является ядерной державой, и мы всё ещё обладаем ядерным потенциалом, с помощью которого можем нанести ответный удар, хотя значительная часть стратегических ядерных сил России уничтожена в первые минуты. У нас осталось ещё какое-то количество передвижных комплексов “Тополь”... – премьер сделал паузу. – Но мы должны представлять и те последствия, которые возникнут в этой связи. Речь идёт о ситуации ядерного коллапса, который, возможно, поставит точку в истории пла-

неты Земля. К тому же ядерный ответ с нашей стороны будет неадекватен, учитывая, что удар по нашим стратегическим ядерным силам был неядерным. Понимая это, даже если исключить самое страшное развитие событий, я хочу заявить, что не могу жертвовать сотнями тысяч жизней ни в чём не повинных людей. У данной ситуации есть виновные, и они будут наказаны самым строжайшим образом. Вы знаете, как я бережно отношусь к людям и к кадрам». Картинка погасла, несколько секунд экран был абсолютно чёрным, как будто авторы сюжета хотели подчеркнуть драматичность момента, после чего обычно появляется заставка канала, идущая без звука. На экране появилась серая рябь...

Глава 1

Внешняя политика: катастрофа пересменки

Вызов безопасности

«Удар по России» – такая перспектива и даже сама фраза никого не может оставить равнодушным. Каждый понимает, что это грозит опасностью – ему лично, семье, близким, народу, государству. Всему миру в конце концов, ведь нас давно убедили в том, что мир глобализируется и это неизбежно. А значит, всё взаимосвязано. И если, допустим, Североатлантический альянс, объединяющий большинство стран не только Европы, но и некоторых государств, находящихся за её пределами, ударит по России, лежащей в центре Евразийского континента, то отголосок этого удара коснётся всех, включая самые отдалённые уголки мира. Такова уж сегодняшняя реальность. А значит, вопрос безопасности России в данном случае, да и любого государства в целом, учитывая нынешнюю глобализацию, беспокоит каждого жителя планеты. Безопасность – как глобальная, так и локальная, и даже личная, персональная, которая теперь, получается, всецело увязана с глобальными процессами, про-

ходящими в мире, – теперь касается каждого. А значит, вопросы безопасности перестают быть головной болью исключительно политиков и военных. Безопасность отныне – дело всех, каждый должен в той или иной степени, по мере своих сил и возможностей соучаствовать в её становлении, понимать суть происходящего и пытаться повлиять на ход событий. Самое главное, что безопасность больше не является сугубо техническим понятием, она нагружена историческим контекстом событий, разворачивающихся на наших глазах.

Основным местом, где решаются вопросы безопасности современного мира, – является так называемая *мировая арена*. Многие не раз слышали это определение, но не все, видимо, знают о том, что в основе событий, происходящих на этой самой мировой арене, лежит теория. В данном случае речь идёт о *теории международных отношений*¹.

¹ Понятие «международные отношения» с научной точки зрения является не совсем точным, так как представляет собой некорректно переведённую на русский язык кальку понятия International Relations. Понятие International характеризует в данном случае отношения между *национальными государствами*, или, попросту, *нациями*, то есть в буквальном смысле – отношения между государствами, а не между народами, что далеко не одно и то же. Точнее в этом случае использовать понятие «*межнациональные отношения*», то есть отношения между *нациями*, под которыми в западной научной литературе подразумеваются именно *государства-нации*. Однако в русском языке, опять же не совсем точно, под *межнациональными отношениями* часто понимают отношения между *народами* (их часто у нас определяют словом «*национальность*») или даже между этносами, а не между государствами. Также возможно использование прямого аналога понятия International Relations – «*интернациональные отношения*». Но и здесь мы ощущаем наличие дополнительной смысловой нагрузки, связанной с

Реализм и безопасность

Одной из главных школ теории международных отношений является *реализм*. Но за, казалось бы, абстрактным для многих научным понятием кроются совершенно конкретные вещи, понятные и знакомые всем. Собственно, концепция реализма и всё то, что из неё вытекает, лежат в основе той действительности, которую мы привыкли считать классической системой международных отношений. Все, кто застал события двадцатого столетия, а также современное поколение молодых людей, изучавших этот период по школьным учебникам, прекрасно представляют себе, о чём идёт речь.

Большинство представляет себе тем или иным образом, что такое *современное государство*², как оно устроено, как функционирует. При упоминании современного государства сегодня речь идёт именно о *национальном государстве*, или *республике*, что по сути одно и то же. Хотя кто-то, возмож-

марксистским периодом русской истории. В этой связи в данной работе мы будем использовать как устоявшееся понятие «международные отношения», взяв его в кавычки, так и варианты *межнациональные отношения* (вне контекста *народов* или *этносов*, как *отношения между нациями*) и *интернациональные отношения* (не имея в виду марксистский контекст).

² Современное государство – система государственного устройства, возникшая в эпоху Нового времени в Европе и представляющая собой государство-нацию: чёткие административные границы, гражданин (горожанин) в качестве основного социального субъекта и политический общественный договор о нормах и правилах совместного сосуществования в качестве правового норматива.

но, представляет себе, что такое *традиционное государство* или даже империя. Ну и уж только исключительно образованные люди знают, что и традиционные государства, и империи разделяются на виды, в частности империи бывают *морские* и *сухопутные*, и отличаются друг от друга во всём. Однако всё же субъектом, то есть главным действующим лицом на мировой арене, мы привыкли видеть классическое для нас *национальное государство*, или *государство-нацию*. Вот такое государство и лежит в центре происходящего сегодня на планете, и оно же лежит в центре привычной для нас *позитивистской* модели международных отношений, одной из школ которой и является *реализм*.

Всё становится яснее, если сказать, что одной из основ реализма является утверждение «государство государству волк». Конечно, это аллюзия на всем известную фразу «человек человеку волк», однако именно она наиболее точно характеризует суть отношений между государствами в эпоху позитивистского реализма. Ну и уж если совсем спуститься на землю, то следует признать, что целью отношений и взаимодействий между государствами является понятная многим *борьба за ресурсы*. Именно ресурсы, в их сугубо материальном, прикладном аспекте, становятся причиной конфликтов, войн, периодов холодных противостояний между всем множеством национальных государств, существующих в мире. Можно сказать, что в мире существует столько же *национальных интересов*, сколько существует *национальных*

государств. А так как на сегодня таких государств уже намного более сотни, можно себе представить, с каким переплетением национальных интересов мы имеем дело. Многие из них совпадают, многие входят в тотальное противоречие, кто-то идёт на уступки, кто-то принимает компромиссное решение, кто-то непримирим, но всё это нагромождение устремлений и конфликтов и есть поле «международных отношений», а точнее, межнациональных отношений, так как речь идёт о национальных государствах. Тотальная агрессивная анархия – вот среда, в которой современные государства отстаивают свои национальные интересы. И именно тотальная анархия – суть концепции реализма, а мировая арена представляет собой в таком случае *поле войны ради наживы и реализации эгоистических целей*.

Единственное, чем руководствуется государство, функционирующее в системе позитивистского реализма, – это определением рационально осмысленных *национальных интересов*, основанных на стремлении к получению ресурсов. В этом стремлении оно готово обойти, а лучше уничтожить любого конкурента. И здесь все средства хороши – обман, подкуп, дипломатические интриги, красноречие, пропаганда, экономические механизмы, скупка активов и долгов. Но в итоге всё равно – войны, которые так или иначе остаются хоть и последним, но всё же самым понятным средством достижения своих целей. И если война ещё не идёт, значит, одна из сторон ещё не готова – или считает, что ещё не го-

това, – к войне. И *реализм* в данном случае означает именно реальную оценку своих возможностей в борьбе за достижение своих целей, за контроль над ресурсами, но в конечном итоге – реальную оценку возможностей ведения войны.

«Хочешь мира – готовься к войне»³ – эта фраза, приписываемая римскому историку Корнелию Непоту, отражает суть реалистской концепции межнациональных отношений, но и она же лежит в основе межнациональной безопасности. Война не начинается до тех пор, пока каждая из сторон считает, что она ещё недостаточно могущественна, чтобы одержать убедительную победу над противником. Наращивание необходимого могущества – это тот период, в который война не ведётся. То есть это период мира. Именно баланс могущества обеспечивает стабильность. Если соперники равны в своих возможностях, то, согласно реалистскому подходу, это исключает возможность войны – зачем воевать, если силы равны, – такая война не приведёт ни к чему, кроме полного взаимного уничтожения. А если цели исключительно материальны, то такое противостояние просто невыгодно: нет смысла вести войну за контроль над теми или иными ресурсами, если ценой вопроса является прекращение твоего существования, в нашем случае в качестве государства. Со всем другое дело, когда ты превосходишь противника. Тогда

³ Si vis pacem, para bellum («Хочешь мира – готовься к войне») – латинская фраза, авторство которой приписывается римскому историку Корнелию Непоту (99–24 гг. до н. э.).

можно начинать войну. Но это понимает и сам противник. Зная, что война не начнётся, пока соперник не стал сильнее, но, понимая, что она неизбежна в случае его отставания, он начинает готовиться к этой войне, чем и продлевает состояние мира.

Баланс национальных интересов, таким образом, покоится на стремлении одного государства что-то получить и способности другого государства это отстоять. И акцент в этой диалектике отношений двух субъектов мировой арены всегда делается на силу. Стихия *тотальной агрессивной анархии* межнациональных отношений вполне себе упорядочивается превентивным глобальным принуждением одних субъектов мировой политики другими. Есть инструмент принуждения – есть возможность принудить. А так как целью этого принуждения становится контроль над ресурсами, позволяющий увеличивать свои возможности в обеспечении жизнеспособности своего государства, то логичным становится и основной подход к реализации собственных национальных интересов: хочешь жить – должен поглощать другого. Как ты будешь это делать – зависит от возможностей: либо прямым военным принуждением, либо дипломатией, подкупом, а может, и обманом, если грубой силы недостаточно. Политика не может быть моральной, а значит, все средства хороши. Реализм заключается в трезвой оценке своих возможностей и, как следствие, выборе методов.

Суммируя изложенное, можно сделать следующий вывод:

реализация национальных интересов – это попытка достичь контроля над большими ресурсами за счёт другого в условиях тотальной межнациональной анархии. Для этого нужно иметь необходимые средства и в первую очередь превентивные, военные. Если же государство ими не обладает, оно становится потенциальным объектом для экспансии со стороны другого государства или блока государств, стремящихся реализовать свои материальные интересы. И это становится опасно. Чтобы снять эту опасность, надо наращивать свой военно-стратегический потенциал либо единолично, либо создавая военно-политические союзы. Таким образом, в условиях мировой анархии все государства тем или иным образом стремятся к безопасности. А лучший способ обеспечения безопасности в таких условиях – создать опасность соседям. Ведь стоит ослабеть, как против тебя начинает готовиться агрессия. Таковы реалии мировой анархии, где государство государству – волк.

Либеральная модель: разночтение понятий

Довольно отличной по многим параметрам от реалистской является *либеральная парадигма* «международных отношений». Её главный принцип – *демократии между собою не воюют*. Но что это за демократии? Точнее, что именно в данном случае понимается под словом «*демократия*»?

А самое главное – кем понимается? С одной стороны, принятие либеральной парадигмы внешней политики – это выход. Именно так и поступили российские реформаторы 90-х годов. Замысел был прост: если демократии не воюют, а Америка, да и весь Запад в целом – это демократические государства, значит... Достаточно объявить себя демократией – и угроза конфликта, а тем более глобального противостояния с Западом, исчезает. Конечно, возникает и побочный эффект, ибо, согласно либеральной парадигме, верно и обратное, а именно то, что, приняв её, нужно готовиться к войне с недемократическими странами. Но это пустяки, посчитали российские реформаторы, так как демократическим является весь «цивилизованный мир», наиболее развитые страны, а недемократический мир – это «изгои», слабые государства. Чего их опасаться? К тому же многие из них – наши бывшие союзники по соцлагерю, авось и пронесёт.

Но на деле всё оказалось несколько сложнее. На минутку задумавшись, новоявленные сторонники либеральной внешнеполитической доктрины вдруг обнаружили, что «тоталитарно-диктаторский» режим Ким Чен Ира – это... вы не поверите – Корейская Народно-*Демократическая* Республика. Но это ещё что, тоталитарный режим, обладавший одной из самых страшных секретных служб мира Штази, – не что иное, как Германская *Демократическая* Республика. Ну а о Демократической Республике Конго и говорить нечего. В довершение новоявленным российским реформаторам было

заявлено, что и сами вы – никакая не демократия, а огромный обломок тоталитарной системы. «Помилуйте, – взмолились новые обитатели Кремля, – что же нам сделать, чтобы стать настоящей демократией, не такой страшной, как КНДР или, о ужас, ГДР?» Список требований был обширен, начиная от искоренения государственной собственности, создания класса собственников-олигархов, свободных СМИ, легализации гей-парадов, порока, разврата, роспуска армии, уничтожения ракет, отмены любых социальных гарантий, полной либерализации рынка и заканчивая... распадом государства. Ну, действительно, для «демократии» Россия слишком большая. Тут уж заупрямился даже Ельцин.

При более внимательном рассмотрении выяснилось, что демократия бывает прямая, та, что существует в традиционных племенах и общинах. Бывает *народная демократия*, например выраженная в системе советов, – это как раз та, что в Северной Корее, ГДР, в самом Советском Союзе, да и ещё много где, скажем, в Ливийской Джамахирии. А бывает демократия *западная*, собственно *представительская* либеральная демократия. И говоря о том, что демократии между собой не воюют, исповедники либеральной школы подразумевают *только* западную либеральную демократию и никакую другую. Принятие либеральной модели «международных отношений», таким образом, влечёт за собой полное социальное переустройство и подгонку под западные стандарты. Многие государства, в частности государства Восточной

Европы, прошли этот путь. Решили ли они таким образом вопрос безопасности? В какой-то степени да, другое дело – какой ценой? Ценой полного отказа от суверенитета. И потом, основная их часть – это, действительно, довольно компактные государства-нации европейского типа, часть из них вообще – карликовые государства. Или же им пришлось распаться на карликовые государства, как, например, Югославии, чтобы обломки смогли стать наконец демократиями. Совсем другое дело Россия – государство, которое даже после потери части территорий остаётся самым большим на планете.

Если Россия принимает либерализм в сфере ведения внешней политики, то это автоматически означает совершенно другую, нежели сегодня, систему безопасности. Но не только. Нужна либерализация внутренней политики – путь, по которому Россия частично прошла в 90-х годах XX века, должен быть пройден *до конца*: это Дмитрий Медведев – президент, а Михаил Прохоров – премьер-министр. А ещё лучше Прохоров – президент, а премьер тогда – помилованный им и выпущенный на свободу Михаил Ходорковский. Это Путин в Гааге, ПАРНАС и «Яблоко» – в парламенте в качестве крупнейших фракций. Это рассмотрение вопроса о предоставлении суверенитета «национальным республикам»⁴, как минимум тем, которые этого пожелают. Это

⁴ Национальная республика суть национальное государство (республика, нация, государство-нация) – субъект, наделённый формальными атрибутами госу-

сворачивание социальной политики, полный ЕГЭ в образовании, платная медицина, уничтожение каких-либо ракет, безъядерный статус, да много что ещё... И лишь проделав этот путь последовательно, до конца, необратимо, так, чтобы действительно поверили, Россия, а точнее то, что от неё останется, может претендовать на статус «демократии», а следовательно, на безопасность, которую в таком случае будет обеспечивать глобальный Запад. И вот тогда и с США, и с НАТО у нас будет мир и можно будет перестать бояться угрозы превентивного удара со стороны этого альянса. Он просто потеряет смысл, так как у нас уже не будет не только ядерного оружия, но и в принципе какого-либо вооружения

государственного суверенитета, чего по факту нет, когда мы говорим о субъектах нынешней РФ, поэтому «национальными республиками» они являются только номинально. Определение «национальная республика» было дано Лениным; подразумевалось, что Россия прошла процесс самоопределения наций, как это было в Европе при распаде империй, потом нации (республики) осуществили пролетарские революции, установили социалистические режимы и объединились в Союз ССР. Всё это произошло как бы экстерном, в период с 1917 по 1922 год, Сталин оставил это из уважения лично к Ленину, но полностью изменил суть государственного устройства СССР, превратив «национальные республики» в номинальное явление, лишённое реального содержательного наполнения. Этим, кстати, воспользовались «национальные» элиты в начале 90-х, потребовав от Москвы реального суверенитета с выходом из состава РФ. В ответ они слышали: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить... Но вы находитесь в центре России – и об этом нужно помнить». Вторая часть фразы обычно опускается, однако, по сути, включает в себя запрет на выход из состава России, что более ясно было артикулировано Ельциным после занятия президентской должности. То есть, по сути, предложение заключается в принятии атрибутов суверенитета, но не суверенитета реального.

тяжелее автомата. А зачем? Все угрозы отныне будет устранять НАТО, и если что – США спасут нас от недемократического Китая. Но тогда не будет и России.

Либеральная парадигма уже однажды была провозглашена в качестве официальной внешнеполитической доктрины России. Сейчас мало кто помнит, но именно либеральную парадигму министр иностранных дел Бориса Ельцина Андрей Козырев обозначил в качестве основной, прямо и во всеуслышание заявив: «А я – атлантист»⁵. Казалось бы, в нынешней современной России это невозможно! И тем не менее раз от раза именно нынешним российским руководством осуществляются шаги и делаются заявления, относящиеся к комплексу именно либерального подхода во внешней политике. Примеров – масса, и многие из них мы также рассмотрим в дальнейшем.

Собственно, либерализация «международных отношений» – суть глобализации. Той самой глобализации, которая многим кажется, а кое-кем и объявляется столь неизбежной. Но именно однополярная глобализация является продуктом либеральной парадигмы «международных отношений» – чем больше либеральных государств, подчинённых США, тем больше государств, которые «друг с другом не воюют»,

⁵ Атлантист – сторонник атлантической геополитической школы, реализуемой морскими державами глобального либерального Запада во главе с Великобританией (чуть ранее) и США (на сегодняшний день). Противопоставляется евразийству – сухопутной геополитической школе, реализуемой государствами Евразийского континента под предводительством России, лежащей в центре Евразии.

тем безопаснее мир. И именно американская однополярная глобализация кажется многим такой неизбежной, практически свершившейся данностью, реальностью будущего мира, мира американского – Pax Americana. Не зря американский геополитик Збигнев Бжезинский говорит именно о *священной войне демократий против недемократий*. Но, как ни парадоксально, считающийся «ястребом» Бжезинский – демократ. То есть сторонник Демократической партии США. И именно демократы являются главными проповедниками либеральной парадигмы, не менее агрессивной в плане последствий для России и других «недемократических» государств, чем реализм, сторонниками которого являются представители Республиканской партии. Авангардом же реализации реалистского подхода являются неоконсерваторы, напрямую руководившие Америкой при Буше-младшем.

Либеральные концепции, несмотря на кажущуюся мягкость, в действительности предлагают более жёсткие варианты, либерализм в «международных отношениях» – это манихейское видение мира. Да, либеральная доктрина действительно гласит: *демократии между собою не воюют*. И действительно, демократическое государство, как его понимают на Западе, никогда не ударит по другому демократическому государству. Зато недемократическое государство – уничтожит. Сотрёт с лица земли. А его лидера – повесит или разорвёт живьём, а тело выставит напоказ в холодильнике. И это будет вполне «демократично», как демократично всё,

что отвечает глобальным интересам США.

Стоп. Опять глобальные интересы? Но это же, как мы выяснили выше, относится к политике реализма. Однако цель и при одном, и при другом подходе неизменна – глобальное господство и контроль над ресурсами. Отличается средство её достижения. В одном случае – прямой превентивный удар, в другом – разрушение противника изнутри путём социальной модернизации, обычно посредством социальных механизмов⁶. В первом случае идеология не имеет значения, во втором – важно, чтобы государство стало либерально-демократическим. И в том и в другом случае противник лишается суверенитета и перестаёт существовать, то есть представлять какую-либо угрозу интересам США.

Что же касается России, то в одном случае она должна готовиться к отражению прямой военной агрессии, в случае же избрания либеральной доктрины – это добровольная социальная модернизация, либеральные реформы, разоружение, десуверенизация и... решение, таким образом, вопроса безопасности. По такой добровольно капитулировавшей ещё до начала сражения России НАТО не ударит.

Помимо *реализма* и *либерализма* теория «международных отношений» знает ещё одну парадигму, а именно – *марксистскую*. Которая, что очевидно, строится на марксистском видении мира. А мир марксизм, как известно, ви-

⁶ Подробнее см.: Коровин В. М. Главная военная тайна США. Сетевые войны. – М.: Эксмо, Яуза, 2009.

дит так: существуют класс труда и класс капитала, и между ними идёт борьба за контроль над средствами производства. Борьба идёт до полного уничтожения либо порабощения. Победившая сторона становится гегемоном, проигравшая – угнетённым классом, вследствие чего лишается контроля над средствами производства. Весь мир, согласно марксистским представлениям, разделён на два горизонтальных пласта: один – наверху, другой – внизу. Никаких государств, наций, границ и прочих атрибутов реализма или либерализма для марксизма не существует, есть только *трудящиеся* и *капиталисты*, и неважно, где они находятся, в каком государстве проживают. Соответственно, марксистская теория «международных отношений», или интернациональных отношений, ни народов, ни наций не учитывает. Основная задача трудящихся в этой модели – создать *опасность* для капиталистической буржуазной верхушки, одержать победу и подавить буржуазию как класс. Ни о какой безопасности речи не идёт. Буржуазное государство в результате этого свержается как явление, создаётся интернациональное пространство глобальной войны, которое после достижения нужного результата – подавления и подчинения буржуазии путём отъёма средств производства – превращается в *интернациональное*⁷ глобальное пространство всего мира. Только по-

⁷ Здесь как раз понятие «интернациональное» носит марксистскую окраску, то есть означает *безнациональное* пространство, где в принципе отсутствуют национальные государства.

сле этого мир, в представлении марксистов, становится безопасным. В ответ на это капитал объединяется в единую глобальную субстанцию, создавая единый орган управления – мировое правительство, что, собственно, и определяется как процесс глобализации.

Насколько актуальна такая картина мира, а соответственно, марксистская теория «международных отношений»? Насколько же, насколько актуальна диалектика противостояния труда и капитала в мире, где капитал почти одержал полную и тотальную победу. Некоторые элементы данного подхода были актуальны в период существования глобального советского проекта. Но именно некоторые, так как сам Советский Союз большую часть периода своего существования реализовывал сугубо реалистскую доктрину, заложенную Сталиным. Что-то из этого возможно использовать в неомарксистских теоретических разработках, подобных концепции Иммануила Валлерстайна, которые частично можно попытаться реализовать на практике. Взгляд неомарксистов на мировое устройство приблизительно таков: да, труд, пролетариат как класс потерпел историческое поражение. Но это поражение не окончательное, а временное. Для того чтобы пролетарская революция победила в глобальном масштабе, необходимо... дать глобализации капитала завершиться. Именно это и провоцирует глобальную пролетарскую революцию, так как глобализация способствует консолидации не только капитала, но и класса трудящихся, которые только

в таком виде, объединившись, смогут осуществить наконец глобальную пролетарскую революцию. Собственно, по мнению неомарксистов, она и не состоялась только потому, что осуществлялась исключительно в отдельно взятых государствах.

Глобальная двухполюсная безопасность

Заключая союзы и наращивая военную мощь, государство тем самым повышает уровень своей безопасности. Ведь чем мощнее военный, дипломатический, пропагандистский, финансовый потенциал, тем меньше и меньше игроков мировой арены способны бросить тебе вызов. А тот, кто способен, тоже вынужден наращивать свои возможности, оставляя при этом других своих конкурентов позади. XX век стал веком становления двухполярного мира, где на одном полюсе оказался глобальный *капитал* с центром управления в США, а на другом – глобальный «красный проект» с Советским Союзом в авангарде.

Одновременное наращивание военно-стратегического потенциала этими двумя полюсами оставило далеко позади всех возможных конкурентов. Большинство из них вынуждены были войти в союз либо с одним, либо с другим. Те же, кто не присоединился ни к одному из них, оказывались в наиболее уязвимом положении. Ведь их суверенитет покоился на том, что основным двум игрокам было явно не до

них. Стоило кому-то из этих двоих положить глаз на такого «неприсоединившегося», и его суверенитету пришёл бы конец.

Установившийся ядерный паритет двух гигантов стабилизировал мир. Стало понятно, что собственные интересы государства мира могут реализовать исключительно с согласия одного из двух основных субъектов, который, санкционируя то или иное действие, брал на себя ответственность за последствия, а значит, и за возможное выяснение отношений со своим глобальным конкурентом. Отныне ничего в мире не происходило без ведома либо СССР, либо США, за исключением каких-то совсем незначительных эпизодов.

Стабильность и мир существовали до тех пор, пока соблюдался силовой паритет двух главных акторов мировой политики, пока происходило одновременное равноценное наращивание военно-политического потенциала двух блоков. Установившийся баланс сил двухполюсной системы и создал ситуацию глобальной мировой стабильности, а следовательно, глобальной мировой безопасности на несколько десятилетий. Однако реализм из мировых отношений никуда не делся. Всё это время в США доминировал реалистский подход к системе мировой безопасности. Он же, по факту, доминировал и в СССР при Сталине, хотя номинально провозглашалось, что Советское государство исповедует *марксистскую* школу международных (интернациональных) отношений, но фактически идеология при формировании со-

ветского блока государств имела значение точно так же, как она имеет значение в либеральной школе. Баланс соблюдался не только в ядерной и в целом в военной области, но и в дипломатии, пропаганде, экономике. Влияние либерального подхода на Западе начало нарастать в период холодной войны. Именно тогда, когда на Западе сложился первый контур союза либеральных демократий под главенством США.

Ситуация начала меняться стремительно, когда один из параметров советского блока, а именно экономический, начал проседать, проигрывая в сфере развития западному блоку. На это наложился и постепенный отход от жёсткого сталинского реалистского подхода во внешней политике (хотя сталинский по сути, российский МИД и до сих пор сохраняет реалистские модели в своей работе), и постепенный переход к буквально понятым марксистским моделям интернациональных отношений. И это в ситуации, когда советские элиты в большинстве своём вообще перестали понимать суть марксизма.

В итоге ослабление пусть даже одного из параметров советского блока – экономического – привело к дисбалансу стабильности всей мировой системы. Возникшее экономическое преимущество позволило западному блоку начать наносить ощутимые удары в этой области, что ещё сильнее увеличивало разрыв. А это, в свою очередь, приводило к увеличению разрыва в пользу Запада и в других областях. Советский блок начал терять могущество, баланс которого

медленно смещался в пользу западного блока. Видя ослабление, от СССР начали отворачиваться союзники, обращая свои усилия в пользу конкурента – США. Из-за этого советский блок начал «сыпаться», и его конец, в ситуации полной недееспособности элит, был предрешён. Крушение советского блока, а за ним и СССР оставило на мировой арене единственного гегемона – США. Он же стал и единственным жандармом вновь вернувшегося *мирового хаоса*. Но он стал и основным модератором этого хаоса, обращая все его преимущества в свою пользу.

Реализм имеет огромное влияние на внешнюю политику США и по сей день. Его авангардом в американской политической системе являются республиканцы, а теоретическую проработку реалистских концептов осуществляет идеологическое ядро неоконсерваторов. Хотя мир с момента крушения СССР изменился настолько, что в нём нашлось место и альтернативным школам, а именно *либеральной* школе, которая достигла значительного влияния в период холодной войны, перехватив первенство у реализма благодаря краху СССР. Но изменился и глобальный мировой контекст, что разрушило незыблемую, казалось бы, доминирующую позицию *позитивизма* в целом. Однако на этом более подробно мы остановимся чуть позже. Главным же вопросом, не дающим нам покоя в открывшихся новых условиях нового мира, является вопрос: готовы ли мы к войне с США, с глобальным Западом в целом? И ставится он именно таким образом

по той причине, что реалисты, а значит, и их модели продолжают играть значительную роль в государстве, оставшемся, по сути, единоличным хозяином всего мира. А если вопрос звучит именно так, то из него логически вытекает следующий: что надо делать для того, чтобы подготовиться к войне с США и их союзниками по блоку НАТО?

Постпозитивистский подход: борьба с «несуществующей» опасностью?

Рассмотрение позитивистских школ – реализма, либерализма и марксизма в «международных отношениях» – имеет вполне прикладное значение. Для того чтобы решить вопрос в области безопасности, нужно представлять себе весь комплекс факторов, формирующих современную действительность. Вопрос безопасности неразрывно связан с теми теоретическими моделями, которыми оперируют основные мировые игроки, и в общих чертах мы их рассмотрели. Сложившаяся в XX веке система безопасности перестала существовать с распадом Советского блока. Главным действующим лицом современного мира стали Соединённые Штаты Америки, от воли и предпочтений которых сегодня преимущественно и зависит безопасность или небезопасность того или иного государства.

Сегодня США практически единолично решают, кого казнить, а кого пока помиловать. А значит, для нас важно пред-

ставлять логику формирования подобных решений, необходимо знать, на основе каких концепций Америка строит свою внешнюю политику, по сути единолично управляя миром. Ну и, наконец, важно учитывать контекст, в котором происходит это управление, ведь привычный нам мир модерна остался в XX веке. Сегодня окружающая реальность со всё большей очевидностью формируется в контексте нового явления – *постмодерна*, в среде которого всё, в том числе и безопасность, рассматривается с приставкой «пост», оказываясь за пределами модерна, его безграничного доминирования. И именно постмодерн сегодня становится основной операционной системой мирового гегемона – США. Поэтому и методы постмодерна, реализуемые в том числе и на мировой арене, сегодня так важны для нас – их надо понимать, как минимум учитывать, ибо от этого зависит не только безопасность мира, но и безопасность каждого.

Контекст постмодерна отодвинул *позитивизм* на второй план. Собственно, разрушение модернистских догматов – суть постмодерна, явления в целом крайне отрицательного и в какой-то степени даже демонического. При этом его ценность в поправлении безграничной власти позитивизма и картезианства с их прямолинейной материальной логикой и абсолютной неприязнью какой-либо метафизики и традиции. В результате на смену позитивизму – и это касается «международных отношений» в частности – пришёл *постпозитивизм*. Явление совершенно новое, пока ещё практически не изу-

ченное – тем хуже для тех, кто становится объектом постпозитивистского оперирования. И судьба их в этой связи зачастую незавидна.

За три минувших столетия мы наконец привыкли к тому, что *факты – объективны, ценности – субъективны*. Это один из главных постулатов позитивизма. Этому многих из нас учили с рождения, в школе, в дальнейшей системе образования. Это мы принимали *на веру*, некритично. Собственно, позитивизм, как, безусловно, и постпозитивизм, – это не что иное, как категория веры. И в этом они ничем не отличаются от традиционалистских «мифов», на развенчании которых и был выстроен модерн с его позитивизмом и «фактом» в качестве главного элемента выстраивания любых научных концептов. Постмодерн изменил эту реальность. Не то чтобы он отменил «факт», нет, это далеко не возвращение традиции во всей её полноте. Но постмодерн и не отрицает мифологии. Для него и «факты», и «ценности» вполне равнозначны. Ты можешь быть и убеждённым позитивистом, доверяющим только фактам, а можешь основывать свои действия на вере, на постулировании абстрактных для позитивизма «ценностей». Но что самое главное – ты можешь делать и то и другое одновременно. Постмодерн открыл нам новую реальность, продуктом которой и стал постпозитивизм, где равную значимость имеют и факт, и опыт, и вера, и ценности – всё берётся в оборот ради... достижения цели. А цель – могущество. Высшая цель – мировое могущество, глобаль-

ная безопасность для себя, но, соответственно, глобальная опасность — для остальных.

И что же мы видим? Категория веры становится столь же решающим фактором, как и рациональные рассудочные выкладки, и это — постпозитивизм. Неважно, существует ли международный терроризм на самом деле, как неважно, что это такое — «на самом деле»? В постмодерне понятие «на самом деле» меняет своё значение, становится не следствием опыта, неоспоримым фактом, а переменной истиной. Она определяется тем, как себе это представляет тот, кто принимает решение, то есть *суверен*. Что такое «Аль-Каида», с точностью не сможет сказать никто, это «нечто», представление о котором у каждого своё. И ладно. Но если следы «Аль-Каиды» вдруг обнаружатся где-то под Москвой — это станет вполне себе поводом для бомбового удара.

Кому-то это кажется невероятным? А к чему бы вдруг Федеральный суд Манхэттена признал, что власти Ирана помогали террористам, устроившим в США теракты 11 сентября 2001 года, о чём сообщает *The New York Times*? В иске среди виновных назывался и верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи. Виновными в помощи террористам признаны также ливанское шиитское движение «Хизбалла», «Талибан» и «Аль-Каида». Истцы утверждают, что высшее руководство Ирана в борьбе против США действовало заодно с «Аль-Каидой». Согласно информации, которая была представлена суду, связь между иранскими властями и «Аль-Ка-

идой» обеспечивал, в частности, координатор боевых операций «Хизбаллы» Имад Мугниех (Imad Mughniyeh). Он был убит в 2008 году, а значит, ни подтвердить, ни опровергнуть этого уже не сможет. И то, что «Аль-Каида» является организацией экстремистов-суннитов, которые не считают шиитов, находящихся у власти в Иране, правоверными мусульманами, – это в данном контексте не так важно. Как неважно и то, что участники «Аль-Каиды» неоднократно устраивали теракты против шиитов в Ираке, а террористы-сунниты действуют и на территории самого Ирана, выступая против его властей. Это детали, на которые можно закрыть глаза в ситуации, когда большинство американцев *верят* в то, что «Аль-Каида» связана с Ираном, а значит, поддержит любые действия американских властей в отношении этой страны.

А во что верят в Иране? В то, что теракты 11 сентября 2001 года организовала не «Аль-Каида». Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад не раз заявлял, что за терактами в США стоят сами США. И уж совсем мало кого волнует, что там было *на самом деле*. Скорее всего, правы оба – теракты 11 сентября 2001 года организовала «Аль-Каида», и за ними стоят сами США. А может, спецслужбы Израиля? Выигрывает в любом случае тот, в чью версию произошедшего больше поверят. Но для этого авторы данной версии должны поверить в неё сами. То есть реальность в данном случае есть *не данность*. Она *конструируется*, складывается, как конструктор Lego, – элемент оттуда, фрагмент отсюда

– импровизация, находчивость, фантазия. Но и воля, и ум. Эти качества являются ключевыми для тех, кто *конструирует* реальность, которая отныне есть переменная категория. Постпозитивизм в этом смысле – это явление двустороннего, всеохватного действия, конструирующего реальность во всей полноте.

Постпозитивистский конструктивизм, таким образом, это отрыв *гносеологии*⁸ от реальности. Запад убеждён, что Каддафи насиловал и убивал невинных людей, – и этого достаточно для того, чтобы убить его самого. Жестокость в отношении Каддафи оправдана той жестокостью, которую Запад *сделал* частью его *имиджа*. «Ему просто не повезло с имиджем», – скажет сторонний теленаблюдатель, пережёвывая бутерброд.

«А я верю, что он убивал», – ответит ему другой, находящийся на другом конце телевизионного кабеля. Постпозитивизм – это *дискаунт* реальности, попытка свести *поиск истины* (о мудрости, онтологии и сути вещей здесь уже речь вообще не идёт) к простой цепочке визуальных, хорошо продаваемых образов. Вот Каддафи в форме, вот он агрессивен, размахивает кулаком. Стреляет в воздух. Кто-то кричит. Следующий кадр – разлагающиеся трупы. Голос за кадром что-то напряжённо повествует, но сознание увлечено разгля-

⁸ Гносеология (от греч. *gnosis* – «познание», *logos* – «учение») – теория познания, возможность познания человеком мира в процессе движения от незнания к знанию.

дыванием быстро меняющихся картинок. Рассказывает что-то о том, что он был жесток, про какие-то взрывы... О боже, чьи-то мозги на асфальте. Зачем-то показывают самолёты. «Теракты... Взрыв... Пострадавшие», – несётся из телевизора. Телефон звонит, чёрт, как не вовремя... «Алло... Слышал, да, Каддафи... Типа убил кого-то, ну... много трупов...» Опасность определяется из полного отрыва от реальности. Меньше реальности, больше телевидения, образов, Интернет как нельзя кстати – за скоростью просмотра заголовков (открывать и читать что-то целиком уже просто нет возможности, поток информации слишком велик) – нет времени подумать. Вроде что-то писали про жертвы, «о, фотки, кровь, глянц, like, а что там у Анжелины Джоли? О, sex», опять Каддафи, френдлента стремительно проносится перед глазами... Вроде да, вроде правильно его...

Постпозитивистский конструктивизм даёт уникальную возможность совмещения необходимости устранить конкурента и заручиться при этом поддержкой общественного мнения. Национальные государства с их интересами теперь можно не брать в расчёт. Да и кто уже обращает на них внимание. В потоке медиаобразов какая-либо внешнеполитическая теория становится чистой «ботаникой», сугубо для экспертов, для политологов, для узких специалистов. Массы у экрана лишь недовольно морщат лоб. Можно просто «отменить» национальные государства. Внешнего врага больше нет, он незначителен, ничтожен. Враг является внутрен-

ним – это проще объяснить массам. Не надо проецировать врага «вовне», это вызывает ненужную агрессию, раздражение. Куда более удобным, предсказуемым, неопасным в своей действительности является *гражданское общество пациентов*. Его больше не интересует истинная подоплёка событий. «“Что есть истина?” – спрашивают последние люди и моргают»⁹. Но то был век девятнадцатый. Современный атом гражданского общества смотрит в экран не мигая. Лямбда индивид – случайно взятый человек, признанный полностью некомпетентным в сфере «международных отношений». Его функция – выражать согласие общественного мнения с тем, что его конкретно не касается и в чём он полностью некомпетентен. В потоке биомассы. Жми like...

Стратегическое видение ситуации

Конечно, можно действовать, реагируя исключительно на сиюминутные вызовы. Так поступает тот, кто не понимает общего замысла врага, не видит всей картины целиком, а проще говоря, не обладает стратегическим видением ситуации целиком. Ну а уж о том, чтобы выстроить собственную, ответную стратегию, при таком подходе не может быть и речи. Ведёт тот, кто проявляет стратегическую инициативу. Тот же, кто лишь отвечает на вызовы, исключительно обороняясь и не пытаясь наступать, – обречён на поражение.

⁹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – СПб.: Азбука, 2012.

Он не представляет, что будет дальше, а значит, не знает, к чему готовиться. Будущее известно лишь тому, кто сам его планирует. Всё это самым непосредственным образом относится к вопросам безопасности. Нельзя чувствовать себя в безопасности тогда, когда ты не знаешь, что задумал твой оппонент, что он выкинет завтра, к чему в итоге клонит. Напротив, собственное стратегическое планирование, видение своих инициатив наперёд, представление о собственном наступлении, о развитии своих инициатив – создаёт угрозу оппоненту. Теперь уже он должен готовиться к отражению агрессии, а значит, инициатива переходит на сторону нападающего. Но для такого планирования нужна теория. Именно от идеи нужно отталкиваться, выстраивая стратегические модели. Прежде чем планировать, нужно представлять, чего ты хочешь добиться в конечном итоге. Это должны понимать и союзники. Но это же должен понимать и соперник, ибо как он в ином случае примет ваши правила игры, если вы о них не сообщите? Таким образом, для создания стратегической инициативы нужна *парадигма* – теоретическая модель, лежащая в основе последующего действия. Без парадигмы в области «международных отношений» нельзя выстроить систему безопасности.

Необходимость создания парадигмы «международных отношений» продиктована прежде всего тем, что именно она должна лежать в основе принятия решений всех ведомств и ответственных лиц государственной машины. Конечно, хо-

рошо, когда первое лицо государства имеет у себя в голове чёткую модель, исходя из которой оно принимает решения и действует. Но этого далеко не достаточно, потому что, если все остальные государственные чиновники о ней не осведомлены, все они начинают действовать вразнобой, из-за чего система идёт вразнос. Можно, конечно, сообщить о своих представлениях кому-то из основных действующих лиц государства, членам Совета безопасности и даже ключевым министрам. Но тогда разнобой действий спустится на уровень ниже и т. д. В конце концов от понимания населением того, что делают лидеры государства, зависит степень легитимности власти – общественной поддержки и одобрения, на чём, собственно, и покоится любая стабильная система вне условий чрезвычайной ситуации.

Если же парадигмы «международных отношений», чётко изложенной и предоставленной в общее пользование, не существует, то помимо полного диссонанса самой властной системы это подрывает и основы социальной стабильности, создавая высокую степень недоверия властям. Невольно возникает ощущение, что нас заставляют полагаться исключительно на здравый смысл руководителя. А если он не здравый? Тогда каждое его решение может потенциально поставить под угрозу даже не его самого, хотя и такое случается, но всё государство в целом, его население, народ, в конце концов. Всё это оставляет не самые приятные ощущения: что-то там решили, никому ничего не объяснили, зачем оно

нужно и чем закончится для всех – непонятно. Такая ситуация и порождает недоверие, усугубляемое домыслами. Но такой подход несколько не оправдан и в плане отношений с оппонентами. Только самый наивный и малообразованный лидер государства может считать, что если он не сообщит противникам, что за парадигма «международных отношений» сложилась у него в голове, то тем самым он их обманет, введёт в заблуждение. На самом же деле отсутствие подобной декларации лишь развязывает оппонентам руки, так как воспринимается ими как отсутствие оговорённых правил. А раз таковые отсутствуют, то тогда правила устанавливаются противником в одностороннем порядке. И тогда и их союзники, и потенциальные наши союзники исходят при своём планировании и дальнейших действиях только из этих установленных нашим оппонентом правил.

В действительности же следует признать, что отсутствие ясной декларации своей внешнеполитической парадигмы лидером того или иного государства означает лишь то, что таковая у него просто отсутствует. Действуя по наитию, реагируя сиюминутно, он лишь усугубляет своё положение, всё больше запутываясь, ведёт себя непоследовательно, а это значит, что степень доверия к нему со стороны партнёров постепенно стремится к нулю. Всё несравненно ухудшается, когда ключевые фигуры государства действуют вразнобой, одновременно реализуя разные парадигмы, опираясь на разные школы International Relations.

Нельзя исходить из утверждений того, кто сам точно не знает, чего хочет. А тем более нельзя выстраивать на основе отношений с ним долгосрочных стратегий, ибо сегодня он хочет одного, завтра декларирует другое, а послезавтра поступает совершенно третьим образом. От такого «партнёра» лучше держаться подальше.

В системе «международных отношений» так же, как и в других устоявшихся международных отраслях, сложились определённые модели, школы и правила, которые необходимо учитывать при формировании собственной парадигмы в области внешней политики. Это нужно хотя бы для того, чтобы тебя поняли и адекватно восприняли то, о чём ты хочешь сообщить всему остальному миру. Помимо реализма, о котором уже было довольно много сказано выше, в *позитивистском*¹⁰ подходе существуют ещё как минимум *либеральная* и *марксистская* школы. Но есть и постпозитивизм, в рамках которого можно создать *свою* школу. Но для её артикуляции

¹⁰ Позитивистский подход к международным отношениям прямым образом вытекает из научного *позитивизма*, доминировавшего с момента становления эпохи *модерна*, ознаменовавшейся Новым временем, до момента возникновения устойчивых тенденций *постмодерна*. Однако более подробно этой тематики в данной книге мы касаться не будем, так как, с одной стороны, всё это общеизвестные понятия, с другой – все они прямым образом не связаны с темой данного исследования, хотя их мы всё же будем тем или иным образом касаться в дальнейшем. Особо интересующимся можно порекомендовать обратиться к исследованиям Александра Дугина, касающимся *трёх парадигм* – премодерн, модерн и постмодерн (например: Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. – М.: Арктогея, 2002).

нужен *ум*, а для её насаждения другим игроками мировой арены нужна *воля*!

Если руководители страны – реалисты, то их подходы должны соответствовать тем, что уже были описаны выше: в этом случае интересы государства, в первую очередь материальные, выходят на первый план. Ставка в их реализации преимущественно делается на силу и превентивное воздействие. Реалист чётко, ясно и недвусмысленно определяет врага (или врагов). Если сил для превентивного воздействия недостаточно – реалист обращается к заключению союзов, для того чтобы стремительно нарастить недостающий потенциал. Реалистской, как уже отмечалось, была сталинская модель, что и привело в конечном итоге к возникновению двухполюсного мира. Но для Сталина значение имела идеология, идея. В отличие от пришедших после Сталина руководителей, что привели к крушению советского блока, СССР и чуть не закончили распадом России. Кем были они? Реалистами без идеи? Либералами?

Очевидно одно: для реалистов в российском руководстве война с США, с НАТО – неизбежна, вопрос лишь в том, насколько удастся её отложить. А точнее – сколько ещё времени удастся создавать видимость наличия сил для ответного удара. Ведь это время можно потратить на то, чтобы реально подготовиться. Или не подготовиться, но тогда просто отложить момент неминуемого краха. А если же всё-таки подготовиться? Тогда момент столкновения может и не насту-

пить, как не наступил он в эпоху двухполюсного мира. Так ли мыслят российские руководители? В чём-то, наверное, так, но в чём-то и совсем не так, что мы ещё неоднократно рассмотрим на конкретных примерах в дальнейшем. А если не так, значит, реалисты не доминируют в российском руководстве. И уж тем более, нынешние российские политические элиты не опираются на идею. А из всего этого, соответственно, вытекает то, что, исходя из усилий либералов в российском руководстве, Россия в целом ведёт себя непоследовательно. И именно эта непоследовательность, метания в сфере внешней политики и наносят самый большой ущерб нашим интересам в мире. Ведь одно действие противоречит другому, а зачастую и отменяет достижения предыдущего. К тому же надо учитывать, что реализм как модель формирования мировых процессов сегодня находится под полным контролем США, в том плане, что в сфере реализации реалистских шагов США давно обставили Россию по всем пунктам. То есть декларация того, что *мы – реалисты*, сразу же ставит российское руководство в заведомо сложные условия, требуя быстрого ответа на вызовы, которые формировались не одно десятилетие.

Россия должна определиться с концепцией

Что же предпринимает российская власть, формально от-

вечающая за безопасность государства и его граждан, не говоря уже о *народе*?¹¹ Вот к ней как раз и относится в значительной степени упрёк в отсутствии представления о внешнеполитической парадигме нынешней России. Ни реалистская, ни либеральная, ни тем более марксистская теории «международных отношений» к ней не относятся в полной мере. Для реализма не хватает чёткости конечной цели, необходимого ресурсного потенциала. Постоянные попытки увернуться от удара, избежать принятия ясного решения, избежать последствий – как бы не зацепило, может, пронесёт – целью являться не могут. Утверждая реализм, следует признать наличие врагов. В случае России это означает открыто признать, что главный враг – это США и их союзники. А это очень страшно.

Но и либеральные концепты были решительно отвергнуты в тот момент, когда Владимир Путин впервые заявил, что *суверенитет для России – это ценность*. Ведь тогда надо стать демократией так, как это устроит США, то есть без намёка на суверенитет. О марксистской платформе забыли ещё в 1962 году. Что остаётся? Постмодерн?

Постмодерн – как во внутренней, так и во внешней политике – стремительно захватывающая влияние парадигма. Он даёт возможность комбинировать некомбинируемое, объяс-

¹¹ *Народ* – цельный, культурно-цивилизационный субъект с общими критериями, качествами, характеристиками, в отличие от отдельно взятого *гражданина* (индивида), идентичность которого разнородна, множественна, не имеет общих с другими гражданами критериев.

нять необъяснимое, хихикать, когда все напряжены, напрягаться, когда с нами шутят, сделать вид – когда ничего не понятно, *изобразить*, а не быть «на самом деле». Это очень удобно... В том случае, когда за фасадом ничего нет. Ведь и постмодерн – это технология, система подходов, философия – в общем, то, чем надо *уметь* пользоваться.

Российская внешнеполитическая доктрина – это «пустой концепт». Мы сами не рефлекслируем свои позиции, путая не только оппонентов, что, казалось бы, плюс, но и союзников, что очевидный минус. Путаясь при этом сами. А если спрашивают – хихикаем. Можно пошутить, сказать, что Маккейн – не враг, а просто американский солдат из вьетнамской ямы. А если что, то мы вас ракетой. Забавно? Да. Но только вот американские элиты – очень серьёзные ребята. Они любят пошутить, но делают это с абсолютно каменными лицами, ибо им самим не до смеха. Когда речь идёт о контроле над миром.

Американские элиты прекрасно представляют себе свою цель. Она проработана на всех уровнях – от метафизического (американская однополярная глобализация – это эсхатологический проект) до военно-стратегического и технологического. Новые постмодернистские технологии, включая концепции миметического оружия и сетевых войн, у них на вооружении уже сейчас, в данную минуту. Американский однополярный мир – это чёткая идейно-идеологическая вертикаль, основанная на философии однополярности. Какая

философия у нашего руководства? «Ой, хи-хи, а можно следующий вопрос...»

24 марта 1999 года¹² – день начала глобальной войны Америки за единоличное правление, за однополярный, американоцентричный мир. Это день начала конца эпохи национальных государств, день их отмены, как и отмены *мира национальных государств*. Это день начала решительного строительства нового мира, где в центре – американская империя. Да, именно империя, и к этому мы ещё вернёмся чуть позже. А что же Россия? Наша элита, кажется, начала догадываться, чем всё-таки отличается национальное государство от империи. «Чем в этой связи является Россия?» – «До этого пока не добрались, вопрос непростой». «Есть ли у нас ответ на вызов Американской империи?» – «А это о чём вообще? Мы же покончили с империализмом...»

Грядущий мир – либо мир Империи, и тогда это американская глобальная империя, либо мир *империй*. Уже сегодня основные акторы мировой арены – это большие «государства»-полюсы. Это уже не государства-нации, а именно военно-стратегические блоки, наподобие Европейского союза, Организации американских государств, Лиги арабских государств, намётки Евразийского союза – вот контуры нового многополярного мира. Если следовать терминам английской школы теории «международных отношений», то

¹² Дата начала натовских бомбардировок Югославии, осуществлённых без мандата ООН и на фоне порицания со стороны международного сообщества.

Путин, настаивающий на том, что Россия сама разберётся с правами человека и решит, какие выборы честные, а какие нет, – *плюралист*. Именно плюралисты определяют государственный суверенитет и принцип невмешательства как формирующие всю систему межнациональных отношений понятия. Соблюдение прав человека представляется плюралистам исключительно внутригосударственным делом, о чём Путин высказывался неоднократно, а «гуманитарная интервенция», с которой Россия особенно активно борется в период выборных циклов, – нарушением системообразующих правил.

С ними спорят *солидаристы*, отстаивающие право внешних сил на вмешательство в ситуации, когда принципы демократии, понимаемой в западном представлении, не соблюдаются. Либо же тогда, когда ситуация выходит из-под контроля национальной администрации. Таких взглядов придерживается, к примеру, Игорь Юргенс, председатель правления Института современного развития (ИНСОР)¹³, считаю-

¹³ Именно Юргенсу принадлежат высказывания из серии: «В событиях на площади Тяньаньмэнь в 1989 году погибли сотни человек, международное сообщество могло бы вмешаться в этот вопрос, потому что сто или двести человек – это уже большое количество жизней» (Игорь Юргенс: главная проблема сотрудничества Востока и Запада в области безопасности – ценностный разрыв // Электронный ресурс: <http://www.gpf-yaroslavl.ru/viewpoint/Igor-YUrgens-glavnaya-problema-sotrudnichestva-Vostoka-i-Zapada-v-oblasti-bezopasnosti-cennostnyj-razryv/>) или фразы: «Какие там инновации, какая индустрия! Судьба России – вывозить нефть и другое сырьё! Забудьте об остальном!» (Электронный ресурс: <http://www.rv.ru/content.php3?id=8552>).

ций, что «возвращение Путина – это катастрофа». Это тот самый ИНСОР, попечительский совет которого возглавляет экс-президент Дмитрий Медведев. Тот самый Медведев, который продолжатель курса Путина, его преемник. Отсюда вопрос: какой курс у Путина? И если Юргенс – типичный солидарист, если Медведев его попечитель, а Путин – старший товарищ и идейный наставник Медведева, то каков же подход российской государственной власти к «международным отношениям», к внутривластному устройству – солидаристский или всё же плюралистский? Или он мерцает? И когда правит Путин – подход плюралистский, а когда Медведев – солидаристский, включающий в себя поддержку такой инициативы, как создание Международного уголовного суда нарушителей прав человека. Путин является плюралистом, значит, по мнению солидаристов, нарушает эти самые права человека, и пока солидарист у власти – Путин или те, кто мыслит так же, отправляются в этот самый Международный уголовный суд.

То же касается и такой темы, как свободный рынок, а также необходимости интеграции в него. Это является угрозой для плюралистских ценностей. Рынок мешает России, а интеграция в ВТО – губительна. Переговоры по вступлению России в ВТО начались в эпоху солидаризма и доминанции либеральной теории при Ельцине, были продолжены при плюралисте Путине и завершены при солидаристе Медведеве. Как будут развиваться в этой связи отношения Рос-

сии и ВТО дальше, после возвращения Путина, объявившего начало евразийской интеграции, – неясно не только для ВТО, но и для самой России. Не знают, как себя вести и какую концепцию реализовывать, и российские элиты – чиновники, политики. Поэтому и реализуют кто во что горазд. Потом понимают, что ничего не выходит, плюют и просто крадут. Красть – это понятно. Это просто. Не надо ломать голову относительно концепции... На всё это строго взирают американские политические элиты. Они именно *политические*, строго в соответствии с понятием *политического*¹⁴ и именно *элиты*. А политические элиты всегда предвзяты, поэтому понимание безопасности у них и у нас отличается. У них – для внутреннего пользования ценности плюралистские, для внешнего экспорта – солидаристские. Солидаристы, проповедующие «гуманитарную интервенцию», основывают свои рассуждения на том, что форма и способы обращения государства со своими гражданами постепенно перестают быть его внутренним делом, становясь на законных основаниях объектом внимания всего международного сообщества. А учитывая, что со времён Вьетнама Америка действует согласно концепции «вбомбите их в каменный век», можно примерно представить себе последствия их «экспортной» продукции.

Таким образом, отсутствие чёткой концепции внешнеполитического развития даёт возможность захода всех заин-

¹⁴ См.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии, 1992. № 1.

тересованных сил на любой уровень российской политической системы. Потому что все эти уровни при отсутствии чётких критериев оказываются «в законе». Потому что никакого «закона нет». И именно это открывает все возможности для «гуманитарной интервенции». Система не имеет концепции, а значит, не имеет и сопротивляемости, что её и разлагает. Нынешний неопределённый статус России – это и есть главная угроза потери идентичности и суверенитета. Прошрое – отвергнуто, настоящее – невыносимо, будущее – неопределённо.

Все последние годы мы демонстрировали такую непоследовательность действий, что головокружение от неё возникло даже у самых выдавших виды экспортёров демократии, либерализма и прав человека. Те же, кто мог и должен был стать нашими союзниками, лишь в недоумении наблюдали за происходящим. Доктрина России – не реализм, так как Америка не враг, а «перезагрузка», или даже «перегрузка», но точно не враг; не либерализм, так как для «демократий» мы не «демократия», а значит, тот, с кем они воюют; не марксизм с его агрессией против мира капитала и буржуазии, так как, что такое марксизм, мы давно не помним, а буржуазии с капиталом у нас и своих хватает, включая тех, кто напрямую интегрирован в систему глобального капитала. Ну а постмодерном мы просто не умеем пользоваться, да и не знаем, честно говоря, что это такое. Такого самозабвенного самоуничтожения вследствие невнятности на всех уровнях исто-

рия не видела давно. Внешнеполитической доктрины у нынешней России нет и не предвидится. А это, как мы теперь понимаем, – просто опасно!

Пять принципов внешней политики России и американский ответ

Пиком падения влияния России на международной арене стали четыре года медведевского президентства. При этом следует признать, что внешнеполитический провал эпохи Медведева не проходил спонтанно. Он был даже в какой-то степени запрограммирован своего рода стратегией провала. Конечно, из лучших побуждений, а то, что так получилось, – это скорее следствие симуляционного подхода ко всему, что относится к идеологии и мысли в целом. Сразу вскоре после признания независимости Абхазии и Южной Осетии, осуществлённого по инерции от недавно закончившейся путинской эпохи, только что ставший президентом России Дмитрий Медведев огласил пять принципов своей внешней политики, получивших в СМИ название «внешнеполитическая доктрина Медведева». На них, как предполагалось, он и планировал строить внешнюю политику РФ в течение последующих четырёх лет своего президентства. Возникшая тут же трескотня о «перезагрузке» должна была, по замыслу автора, вызвать ощущение некой имитации прорыва, того, что Россия, совершив некоторые несложные внешнеполитические

телодвижения, встала на одну ступень с Соединёнными Штатами Америки.

Однако, как стало очевидно чуть позже, у нас не было никаких причин для того, чтобы выражать этот оптимизм. Хотя бы в силу того, что США со своей одержимостью мировым господством никуда не делись. Надежды на быстрые внешнеполитические достижения были бы, может быть, справедливы в значительной степени, если бы весь Североамериканский континент вдруг замер, как в детской игре «Морская фигура, замри», и там несколько лет ничего бы не происходило. Тогда мы получили бы фору для того, чтобы превратить доктрину Медведева в реальное политическое могущество. Но Америка продолжила существовать. Мало того, провозглашенные пять принципов скорее спровоцировали более активные, более решительные и даже в каких-то ситуациях более жёсткие ответные действия США. Иными словами, мы собрались подёргать тигра за усы, но о том, есть ли у нас способы защититься от него, если он вдруг совершенно озверееет, мы, по обыкновению, не подумали.

Первенство международного права – конец ООН

Возьмем первый тезис Медведева о том, что «Россия признаёт первенство основополагающих принципов международного права, которые определяют отношения между цивили-

лизованными народами». В озвучивании этого тезиса не открыто сквозит позиция слабого. Данная декларация в сложившихся условиях аналогична угрозе: «Сейчас милицию вызову!» Милиция может приехать, а может не приехать – это ещё большой вопрос. С 24 марта 1999 года Америка ни во что не ставит международное право. Вместо этого в её подходах всё очевиднее доминирует *право сильного* плюс чёткая геополитическая логика. На примерах Югославии, Афганистана, Ирака и Ливии мы все могли наблюдать, как относятся Соединённые Штаты Америки к международному праву и во что ставят международные институты, в первую очередь ООН и Совет Безопасности ООН, к которым мы не устаем апеллировать и взывать. То есть мы-то признаём первенство принципов международного права, а вот Америка – нет. Мы дисциплинированно соблюдаем все нормативы и ограничения, а Америка – нет. Непротивление злу насилием. Чистая толстовщина в сфере международных отношений.

В августе 2008 года Россия продемонстрировала силу, и только это дало результат. Никакие воззвания к Совбезу ничего не дали, да и, как мы сейчас понимаем, не могли дать. Взывать к ООН сегодня бесполезно хотя бы в силу того, что это рудимент двухполярного мира. Америка осознанно пустила насадку усилия XX века по выработке международных норм безопасности. Сегодняшний мир – реально *опасен*.

Сухой остаток: ядерное сдерживание плюс геополитика – вот инструментарий, на который может опереться реалист.

Максимум, для чего ещё возможно использовать международное право, – это для взаимоотношений с Европой, воспринимаемой в отрыве от США в качестве самостоятельного полюса. Видимо, этот тезис Медведева был обращён исключительно к Европе, но ей с наступлением кризиса стало как-то совсем не до Медведева с его наивным идеализмом.

В свою очередь Америка не устаёт игнорировать международные правовые институты *по праву сильного*. Ответом на заявление Медведева о том, что он будет теперь апеллировать к международному праву более активно, со стороны США может быть только более откровенное игнорирование формальной деятельности Организации Объединённых Наций. США и дальше продолжают действовать откровенно в обход этой организации. Это, очевидно, и так произошло бы рано или поздно в силу того, что государство-нация, или просто нация, перестало быть главным субъектом на мировой арене. И произошло это именно с появлением единственной гипердержавы, шагнувшей далеко за пределы национального государства к созданию Империи.

На призыв Медведева и наши судорожные попытки реанимировать международные правовые институты США ответят поэтапным демонтажом ООН и созданием вместо неё Лиги демократий. По этому поводу Тимоти Гартон-Эш в английском издании *The Guardian* 11 сентября 2008 года написал: «Пока мы, представители лагеря Либерального Мирового порядка, думаем о том, как ответить на такой многосторон-

ний вызов, как Россия и Китай, я больше чем многие европейцы симпатизирую той идее, за которую выступают американские политики-интеллектуалы. Речь идёт о так называемом “договоре демократий”. Прежде всего мы должны рассчитывать на те страны, которые разделяют наши ценности в системе государственного управления»¹⁵. Собственно Лига демократий – это есть чистый продукт реализации либеральной доктрины, согласно которой *демократии между собой не воюют*. И речь здесь идёт именно о тех самых *либеральных демократиях* и ни о каких других. Напрямую звучит декларация того, что Америка должна опираться *только* на либеральные и либерально-демократические, понятые в американском представлении, режимы, для того чтобы консолидировать их перед лицом возрастающей угрозы со стороны усиливающихся... России и Китая. Которые, что понятно из контекста, никакими демократиями не являются.

ООН доживает считанные дни, если рассматривать происходящее в историческом масштабе. Причём именно Медведев лишний раз подстегнул развитие процесса демонтажа этой устаревшей структуры своим заявлением о том, что мы будем больше, активнее использовать ООН в решении своих вопросов и своих проблем.

В действительности же нашим ответом должно было бы стать создание такого же, аналогичного американской Лиге

¹⁵ Гартон-Эш Т. Нам, сторонникам либерального международного порядка, грозит новый глобальный беспорядок // The Guardian. – 2008. 11 сентября.

демократий, центра международного права, только сформированного на основе консервативных евразийских принципов. Допустим, Евразийской ассамблеи или «ассоциации автократий» (такой образный термин придумал один из идеологов внешней политики Соединённых Штатов Роберт Кейган). В его основе должно лежать евразийское традиционное право, а именно различные правовые модели, включающие в себя элементы как народной демократии, так и прямой демократии традиционных этносов и общин.

Однополярность неприемлема – усиление грубого давления

Возьмём второй принцип Медведева (что «мир должен быть многополярен. Однополярность неприемлема») – Россия не «может принять такое мироустройство, в котором все решения принимаются одной страной, даже такой серьёзной, как США». Медведев уверен, что такой мир неустойчив и грозит конфликтами. Очень верное замечание, сделанное с опозданием лет на десять. У нас была возможность заметить, что мир стал однополярным, сразу после терактов 11 сентября 2001 года. Это надо было декларировать 12 сентября 2001-го, закрыв американцам доступ в Среднюю Азию и СНГ, сохранив базы в Камрани и на Кубе, инициировав международное независимое расследование терактов в США. Мы же сделали всё наоборот – открыли США доступ

в Среднюю Азию и страны СНГ, которые до тех пор ещё контролировали. Добровольно ликвидировали базы в Камрани и на Кубе, то есть предприняли всё зависящее от нас для скорейшего торжества однополярности.

Собственно, Россия вполне бы даже могла участвовать в операции в Афганистане, введя туда свои войска в составе международного контингента. Это можно было бы сделать совместно, допустим, с контингентом из Индии, Китая или Ирана, если уж такая острая необходимость возникла. Это закрыло бы возможность для США единолично хозяйничать в Средней Азии. Но мы ничего этого не сделали, сдав все позиции. Самое время заявить о том, что мир должен быть многополярным. Отличное намерение, не подкреплённое ни единым жестом.

Здесь уместно привести слова Збигнева Бжезинского от 28 ноября 2001 года. В своей статье «НАТО следует остерегаться России», опубликованной в газете *The Wall Street Journal*, Бжезинский пишет, что США должны использовать теракты 11 сентября для достижения долгосрочных стратегических планов по «дальнейшему расширению евроатлантического пространства и долгосрочной ассимиляции в нём постсоветской России»¹⁶. В результате Россия, по убеждению Бжезинского, должна «не желать разъединения Америки и Европы, не выстраивать с Китаем отношений “стра-

¹⁶ Бжезинский З. НАТО следует остерегаться России // *The Wall Street Journal*, США, 28 ноября 2001.

тегического партнёрства”, направленного против американской гегемонии, *не создавать* славянского союза с Беларусией и Украиной, *не пытаться* подчинить Москве недавно обретшие независимость государства на постсоветском пространстве».

Планы США были обозначены сразу после терактов в течение месяца. А наш ответ был озвучен лишь в 2008 году Медведевым в одном из своих пунктов. И тут же забыт. Сейчас однополярность, по сути, является данностью, а ответ России в Грузии – это жалкая заявка на возвращение России статуса *региональной державы*. Ни о каком создании полюса многополярного мира на практике пока даже близко говорить не приходится. Несмотря на то что теория многополярного мира в качестве теоретического труда на данный момент разработана интеллектуальной группой под руководством Александра Дугина на кафедре социологии международных отношений социологического факультета МГУ. Философия однополярности есть и принята к реализации американским государством на высшем уровне. Философия многополярности – пока только концепт, о котором в российском власти никто даже не слышал. О чём мы говорим? О чём это Медведев?

Ответ США на этот лепет о многополярности оказался вполне конкретным и реализовался в виде усиления грубого давления на Россию. Учащение терактов, авиакатастроф, пожаров, управляемых конфликтов, массовых акций протеста,

которые «вдруг» начали разгораться на территории России, политическая дестабилизация, сетевая война – Россия должна погрязнуть во внутренних проблемах. Если мягкий сценарий не проходит, если политическое руководство огрызается, да ещё и начинает пугать «многополярным миром», чего американцы просто слышать не могут и от чего приходят в неопишумую ярость, – воздействие ужесточается. Включается активное ведение сетевой войны по жёсткому сценарию. И всё это, понятно, не вдруг, а после того как Россия, по сути, бросила вызов гегемонии США. Ведь для них «многополярный мир» – это не шутка. Они понимают, что это такое. Но если Медведев бросил этот вызов походя, на словах, то вот американцы отвечают чисто конкретно, быстро и очень жёстко, последствия чего и дают нам о себе знать.

В свою очередь ответом России на это *ужесточение* со стороны США должна стать принудительная и ускоренная мультиполяризация мира. Сказал «а», говори «б». А это значит, что Россия должна позаботиться о том, чтобы ядерные военные технологии были как можно скорее в Иране. А наше оружие и военные базы оказались как можно скорее в Центральной и Южной Америке, причём на постоянной основе. Необходимо обеспечить энергетический отрыв Европы от США, то есть Россия должна энергетически полностью обеспечить Европу, чтобы та не зависела от американских маршрутов поставок. Россия вполне может консолидировать арабский мир, осуществив заход на базе традиции и

наладив диалог с исламом. В конце концов, Россия вполне может перенести аналогичную *сетевую войну* на территорию США. Ибо США – социально нестабильное государство, которое прошито бесчисленным количеством внутренних противоречий. И если Россия приложит для этого минимальные усилия, хотя бы просто выключит свет, опустив рубильник в Вашингтоне и Нью-Йорке, то в США наступит хаос. Сетевая война против США на их территории – это сепаратизм, межэтнические конфликты, расовая неприязнь, колоссальное имущественное расслоение, в целом отсутствие социальной саморегуляции американского общества. А ещё нужно сделать всё то, чего нам «не рекомендовал» Бжезинский, просто от противного – создать славянский союз России – Украины – Белоруссии, а вместе с ним – восстановить Евразийский союз, что пока лишь только декларировано. То есть мы ни в коем случае не должны замыкаться на внутренних проблемах, к чему нас склоняют западные стратеги, ибо эта оборонительная позиция навсегда похоронит идею многополюсного мира. Чего от нас и ждут.

Россия не хочет конфронтации ни с одной страной – открыть Америку

Третий тезис Медведева – Россия не хочет конфронтации ни с одной страной. «Россия не собирается изолироваться. Мы будем развивать настолько, насколько возможно, наши

дружеские отношения с Европой и США и с другими странами мира». Ну, хорошо. После того как мы, по сути, объявили цивилизационную войну, заявив о курсе на многополярность, мы говорим, что не хотим конфронтации. Россия не собирается изолироваться. Как будто нас будут спрашивать! После такого высказывания Россию надо изолировать с удвоенной интенсивностью, закрывая элементы санитарного кордона в Европе и на Юге, то есть там, где у нас ещё существуют выходы – на Юг к Ирану через оставшуюся лояльной нам Армению. Хороший вариант для России – как-то склонить на свою сторону Азербайджан, получив выход к Ирану, минуя оккупированную американцами Грузию. Но именно поэтому американские усилия в отношении Азербайджана в итоге стали более настойчивыми, одним из результатов чего стал отказ в аренде Габалинской РЛС. Беспорядки в Армении из той же серии. Нас будут пытаться лишать контактов и нормальных отношений с Белоруссией, жёстко нанося удары по режиму Лукашенко. И своим заявлением Медведев лишь интенсифицировал перечисленные процессы, ускорил их реализацию. Есть ли нам чем ответить – это большой вопрос. Но американцы будут закрывать санитарный кордон окончательно в ближайшие, по историческим меркам, дни. Ловушка окончательно захлопнется с ударом по Ирану. И это уже не говоря о том, что данный тезис Медведева противоречит как реалистской, так и либеральной модели. В первом случае у нас должны быть враги, а Медведев говорит – «ни

с одной страной». Если действительно «ни с одной», то это означает только одно – у России нет своих национальных интересов. Только в этом случае государство не имеет противоречий с другими государствами (у них-то свои интересы есть). Может быть, это либеральный тезис? Тоже нет, ибо в таком случае мы должны быть с «демократиями» против «недемократий», а это противоречит тому же – «Россия не хочет конфронтации ни с одной страной». Да и какая мы демократия... Может, неомарксистская? Но тогда это противоречит предыдущему тезису о многополярности.

Ответ США на такое заявление очевиден – поймать на слове. Если вы собираетесь развивать отношения с Европой и Америкой, тогда верните возможность безнаказанно действовать на территории России западным неправительственным организациям (НПО), ведь именно они – главный экспортёр демократии, а стать демократией – необходимое условие для сотрудничества с Европой и Америкой.

Но есть и внешнеполитические последствия, спровоцированные этим высказыванием. Здесь надо понимать, что Запад – далеко не однороден, и развивать отношения с Европой – совсем не то же самое, что развивать отношения с США, которые видят Европу исключительно как свой плацдарм, покорный и предсказуемый. А ну как развитие отношений с Россией вызовет в Европе ненужное ощущение самостоятельности и бесосновательности той зависимости, в которую Европа попала к США перед угрозой «русской агрессии».

сии». Это нехороший знак для Америки, за которым следует неизбежное желание усилить контроль над Европой, не дать возникнуть даже намёку на сближение ЕС и России. Как следствие – США будут усиливать роль НАТО в Европе, чтобы удержать её под контролем. Это заявление Медведева с очевидностью лишь спровоцировало консолидацию НАТО, о чём пишет, например, *The Washington Post*. Джим Хогленд настаивает на том, что Вашингтону необходимо добиться консолидации сил НАТО в Европе. То есть не пытаться расширять НАТО, а скрепить позицию тех, кто *уже* в НАТО и является проверенным союзником. Добиться этого можно, как он считает, сконцентрировавшись на северном фланге: «Тесное сотрудничество между президентом США и президентом Франции не позволило русским воспользоваться конфликтом в Грузии для того, чтобы вбить клин между Вашингтоном и его союзниками по НАТО. Однако это является важнейшей целью России, и ей нужно противодействовать. Добиться этого можно, сконцентрировавшись на северном фланге России, где НАТО сплочено и относительно сильно, вместо того чтобы ввязываться в новые споры о будущей роли НАТО в кавказском регионе и на Украине – по этим вопросам в альянсе ещё существуют разногласия»¹⁷.

Что же Россия может противопоставить такому развёртыванию событий? Во-первых, чёткое понимание, что то-

¹⁷ Хогленд Дж. На север, господин президент! // *The Washington Post*. – 2008. 15 сентября.

тальная открытость – это зло для национальной безопасности, даже если речь идёт лишь о гуманитарной экспансии. Учитывая новейшие разработки в области ведения сетевых войн, именно эффективная деятельность НПО, общественных структур и социальных сетей является на сегодняшний день одним из самых эффективных видов *оружия*, позволяющих одержать военную победу без использования обычных вооружений. Поэтому о либерализации законодательства и подходов в отношении западных НПО не должно быть и речи. Подобное было возможно лишь в ельцинские времена, когда Россия добровольно капитулировала, в спешке сдавая всё, что только можно, под предлогом ускоренной либерализации. Задача была – стать своими для «демократий», дабы добиться решения вопроса безопасности путём вхождения в *клуб демократий*. Демократией, как известно, мы так и не стали, но страну чуть не потеряли.

Возможным – более-менее – вариантом, при соблюдении определённых условий, может стать *полупрозрачность*, в первую очередь с Европой. Всех выпускаем, особенно носителей цивилизационного и культурного кода, трансляторов русского мировоззрения – деятелей культуры, учёных, политиков, общественных деятелей. Выпускаем не на ПМЖ, а для трансляции идей, влияния, гуманитарной экспансии. Впускаем же не всех, а только тех, кто реально нужен, – специалистов в области высоких технологий, инвесторов, инженеров, высококвалифицированные кадры, военных специа-

листов для перенятия от них передового опыта развёртывания ПРО, желательно на ПМЖ, для чего необходимо создавать соответствующие условия. Всё остальное нам от них не нужно. Что же касается США и их сателлитов – то здесь должна быть полная закрытость. От них нам никто не нужен, кроме откровенных перебежчиков с военными и промышленными секретами в чемоданах. Здесь не помешает даже довольно утрированный подход, тем не менее позволяющий соблюсти элементарные нормы безопасности, своего рода презумпция виновности – каждый, кто прибывает в Россию с территории США или сателлитов, – шпион или провокатор по умолчанию, пока не докажет обратного. Открытость в отношениях с США – это практически стопроцентная работа на ослабление национальной безопасности России, экспорт деструктивных – а других и нет – НПО, НКО, фондов, неравные возможности, неприкрытый шпионаж. От Америки нам не нужно ничего, это пространство справедливо сравнить с зоной заражения – всё, что привнесено оттуда, содержит в себе опасность.

Открытость, или, по-другому, максимальная степень прозрачности, допустима в отношении стран СНГ (за исключением входящих в антироссийский блок ГУАМ, здесь так же, как с Европой, полупрозрачность), Ирана, Индии, других союзников России, включая страны Южной и Центральной Америки – Венесуэлу, Боливию, Кубу. Со стороны этих стран нам нужно многое – начиная от почитания элементов

традиционной культуры, гуманитарных аспектов и заканчивая высококлассными специалистами. Люди, приезжающие из этих стран, не несут в себе ни прямую, ни культурную, ни духовную угрозу. Исключением может быть разве что низкоквалифицированная рабочая сила, которая и так в избытке.

Ответ же России в адрес Америки должен быть столь эффективным, столь и парадоксальным. Нам необходимо *открыть Америку*. Теперь уже для себя. В отношении с этой страной бесполезно апеллировать к морали, нравственности, культуре, религиозным мотивам. Здесь подходят только превентивные, прямые, даже симметричные меры: создание на территории США развёрнутых пророссийских сетей, отправка деструктивных кадров, вербовка агентуры, откровенный шпионаж, подрыв социальной и политической стабильности, провоцирование сепаратизма – вот лишь некоторые из методов симметричного воздействия, которыми необходимо ответить. Однако стоит помнить о главном – открывая Америку для себя, следует закрыть Россию от подобных действий.

Защита граждан: забыли русских

Приоритетом внешней политики Медведев назвал защиту жизни и достоинства российских граждан, «где бы они ни находились», что стало четвёртым его тезисом. «Мы будем защищать интересы нашего предпринимательского сообще-

ства за границей. И всем должно быть понятно, что все, кто будет совершать агрессию, получают ответ», – заявил президент. Граждан? А как же защита русских? Как, например, насчёт русских, оставшихся за пределами России, то есть о тех 25 миллионах русских, которые не являются гражданами России? О них Медведев не сказал, оставив юридическую лазейку: мы, мол, говорили о гражданах, а не о русских людях. А среди них есть даже «неграждане» тех «государств», в которых они остались. Были брошены, забыты, оставлены без опеки и защиты. Кого же тогда собрался защищать Медведев? Может, он решил оказать защиту олигархам, притесняемым за пределами России? Их он, видимо, имел в виду, говоря про наше предпринимательское сообщество. Это, конечно, возможно, но только для вернувших капиталы на родину. А так – что это за граждане...

Слова о том, что мы будем защищать интересы нашего предпринимательского сообщества за границей, скорее всего, восприняты американцами очень однобоко, как и всё остальное, что воспринимается сугубо в рамках двойных стандартов американского реализма, – хорошо то, что хорошо для Америки. А значит, опираясь на этот тезис, они будут пытаться вбить клин между экономическими элитами и элитами политическими. О чём пишет в редакционной статье издание *Christian Science Monitor*. Газета пишет о том, что «богатая российская элита, видя, как изоляция оказывает негативное влияние на её инвестиции, отходит в сторону

от политического руководства страны»¹⁸. В своё время ныне отбывающий срок олигарх Михаил Ходорковский именно так сформулировал свой основной тезис: национальная администрация стоит преградой на пути транснационализации российского капитала и должна быть устранена с этого пути. После этого он, собственно, и отъехал в места не столь отдалённые. А теперь об этом говорит Медведев – государство должно встать на службе интересов транснационализирующегося российского олигархического капитала. Не челноков же с клетчатыми сумками, в самом деле, имел он в виду. Или, может, он имел в виду интересы предпринимателей, лишившихся всего в Ираке, Ливии или Сирии, после того как свои интересы там отстаивали американцы? Единственное, что российским предпринимателям сегодня нужно от власти, так это гарантий того, что им не будут препятствовать в стремлении в нужный момент продать свой бизнес в России, желательно иностранным покупателям, и в выведении после этого полученных средств на Запад.

Естественная реакция США – довести до предела этот тезис, то есть акцентировать особое внимание на том, чтобы подчёркивать именно частно-атомизированную субъектность наших интересов – следите за гражданами, а остальное вас не касается. А чтобы вы убедились в том, что вас это действительно не касается, мы арестуем и демонстративно выведем в США вашего предпринимателя Юрия Бута. А за-

¹⁸ Редакционный комментарий // Christian Science Monitor. – 2008. 4 сентября.

тем так же демонстративно, нагло, не обращая внимания на Россию и назло тезисам Медведева о защите своих граждан, выкрадем с территории третьей страны и вывезем с мешком на голове российского предпринимателя – перевозчика грузов Константина Ярошенко. После чего так же безнаказанно засудим обоих, дав по двадцать лет тюрьмы, и вы тогда убедитесь, что от вас в этом мире ничего не зависит, а значит, никаких интересов у вас быть не может. Так что довольствуйтесь тем, что вам отдали вашего лётчика власти Таджикистана. Пока отдали, ибо до Таджикистана у США ещё толком не дошли руки. Дойдут, когда начнут «выводить» войска из Афганистана. На территорию Средней Азии, разумеется, куда же их ещё выводить. Вот основной американский месседж, посланный Медведеву, по сути, спровоцировавшему их своим тезисом.

Ответ России – если она действительно собралась отстаивать свои интересы в мире – должен заключаться в декларации готовности защиты даже не граждан и тем более не олигархов, а своих национальных интересов за пределами России. В *преодолении пределов* наша подлинная миссия. И русские люди, живущие по всему миру, – нам в помощь.

Внешнеполитические интересы – «цветные» революции

Ну и последний «принцип Медведева» – интересы Рос-

сии в дружественных ей регионах: «У России, как у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. В этих регионах расположены страны, с которыми связаны дружеские отношения». Он также пояснил, что Россия будет «очень внимательно работать в этих регионах», уточнив при этом, что речь идёт не только о приграничных государствах. Тем более что о них последние лет двадцать речь вообще не идёт.

Далее следует интересная фраза, высказанная по отношению к нашим западным партнёрам, прежде всего в Америке. Медведев сказал, что у них есть выбор – дружить с нами или нет. Относительно будущего развития дипломатических отношений с другими странами Дмитрий Анатольевич отметил, что это будет зависеть не только от России, но и «от наших друзей, партнёров, от международного сообщества». «У них есть выбор», – так и сказал. То есть шанс он им всё-таки оставил. Чистое шапкозакидательство. После того как Россия ушла отовсюду, даже из СНГ, после того как у нас возникли проблемы в отношениях даже с Белоруссией, единственной страной, которая последовательно декларирует, что хочет с нами дружить, мы бросаем такую фразу: пусть они сами думают, у них-де выбор есть...

Ответом США на это, безусловно, стала активизация «цветных» революций. Теперь уже без всяких сомнений очевидно, что они будут продолжаться, и в первую очередь попытки свергнуть правящий режим наиболее активно будут

реализовываться именно в Белоруссии. Ну и конечно, сетевые войны против России изнутри, создание внутренней напряжённости, используя выборные ситуации. Сюда же следует отнести попытки замкнуть санитарный кордон в Азербайджане и Армении. Чем, собственно, американцы занимаются уже довольно давно. В подтверждение этому статья Тони Кэрона в журнале *Time*: «Баку [...] готовится стать крупным прямым поставщиком природного газа в Западную Европу через трубопровод Nabucco, по которому газ должен пойти с Каспия на крупный распределительный узел в Австрию. Для Азербайджана этот выбор носит не просто коммерческий характер; он может иметь огромные геополитические последствия»¹⁹.

Активация сетевых войн в России и на пространстве СНГ, отрыв союзников от России и их переориентация на Запад, социальная дестабилизация и напряжённость между элитами и массами, а также внутри самих элит, быстрый закат ООН, усиление повсеместного «грубого давления» – вот что, собственно, спровоцировал Медведев своими тезисами. Конечно, Америка шла по этому пути и прежде и будет идти дальше, но после таких тезисов мотивов и оправданий у американских стратегов и политиков только прибавится. Это не значит, что Россия *не должна* декларировать свои интересы, это значит, что она должна *делать* то, что декларируется, и «пусть это и будет, наконец, единственным нашим законом».

¹⁹ Кэрон Т. // *Time*, США. – 2008. 5 сентября.

Сегодня становится всё более понятно, что США никогда не признают сильную Россию. И говорить о том, что у них есть выбор, – просто смешно. Это у нас есть выбор – стать субъектом сложившейся реальности или оставаться объектом внешнего воздействия. Они же этот выбор формируют. США строят мировую империю, но это – американская империя. Противостоять им может только империя. Другая империя. Наша империя. Основные вехи формирования этой империи как раз и обозначил Медведев. Для их реализации нам осталось только начать и кончить. Что же действительно не подлежит сомнению, так это то, что этот процесс необходимо обеспечить идеями и серьёзной интеллектуальной поддержкой. Как говорят американские неоконсерваторы: «Идеи имеют значение!»²⁰ В этом и надо брать пример.

²⁰ «The ideas do matter» – один из главных постулатов американского философско-политического течения неоконсерваторов.

Проигрыш всухую

После анализа тезисов медведевской эпохи становится более-менее понятно, почему в области внешней политики последние годы оказались для России провальными: все свои козыри Россия либо бездарно растеряла, либо просто проигнорировала их наличие. Попробуем теперь рассмотреть, что же было не только задекларировано, но и сделано. Начать следует с ратификации договора СНВ-3 как с главного и наиболее громкого внешнеполитического просчёта. После того как Сенат США провёл важнейшее для Америки голосование в пользу заключённого с Россией договора СНВ-3 – о сокращении стратегических наступательных вооружений, подписанного президентами России Дмитрием Медведевым и президентом США Бараком Обамой в апреле 2010 года в Праге, «перезагрузка», уже не стесняясь, начала откровенно «подыгрывать» США. Собственно, принятие этого договора и было одной из главных целей провозглашения «перезагрузки», ради него во многом и затевалась. Сюда же можно отнести и провозглашение развития отношений с НАТО, о которых также много говорилось в медведевский период правления. С одной небольшой оговоркой: НАТО – военный блок, созданный и существующий для противостояния с Россией.

Хозяйственные вопросы вместо внешней политики

Если оценивать итоги внешнеполитических усилий последних лет, включающих в себя четыре года медведевского правления, то Россия за этот период продолжила процесс полного самоустранения с мировой арены. Ни один руководитель нашего государства в период с 2008 по 2012 год внешней политикой не занимался. Путин потому, что это стало «не его делом», ибо он пребывал в статусе премьера. Медведев потому, что, видимо, не очень представлял, как это делается. А когда представлял, то явно не то. По своей ли воле, или «так было задумано», но факт остаётся фактом. Внешнеполитическим вопросам, вплоть до возвращения Путина в президентское кресло, внимание было уделено по остаточному принципу, а всё, что происходило с Россией на мировой арене, формировалось без нашего участия при абсолютно пассивной позиции российского руководства на всех направлениях.

Катастрофически закончился этот период для отношений России с Ираном. То же самое можно сказать и об отношениях России с Белоруссией, хотя с усугублением последствий кризиса отношения вынужденно начали выправляться. Но особой заслуги российского политического руководства в этом нет, гораздо больше заслуг в этом отношении у

кризиса. Все исторические события, которые происходили на внешнеполитической арене, происходили вопреки позиции России.

И Владимир Путин, и Дмитрий Медведев занимались исключительно хозяйственными делами: устраняли последствия пожаров, расследовали причины затонувших пароходов и падения буровых установок, решали вопросы социальной политики, лично занимались обустройством больниц, повышением пенсий, выделением льгот и пособий, проверкой наличия тепла в квартирах и даже обкаткой отечественных автомобилей. Это, безусловно, очень важно для страны, но в то же время делалось всё это, очевидно, в ущерб интересам внешней политики, которая оказалась почти полностью исключённой из поля зрения руководителей российского государства. Они куда-то, безусловно, ездили, о чём-то договаривались, открывали краны, подписывали договоры, но всё это – также из области хозяйствования, а не стратегии. Поэтому весь этот период для России в области внешней политики не увенчался стратегическими прорывами. Их не было, остальное ретушировало череду провалов и сдач.

Неверное направление

Одной из причин таких плачевных внешнеполитических результатов стало то, что приоритеты внешнеполитической деятельности руководства России, в первую очередь в лице

экс-президента Медведева, с самого начала были выбраны и обозначены совершенно неверно. Тот прорыв, который ожидался в направлении развития отношений с Западом, в частности с США, изначально не мог быть реализован. Отчасти эти ожидания были спровоцированы упованием на приход администрации Барака Обамы, к чему мы ещё вернёмся более подробно далее, вследствие чего либералы во власти надеялись на некую разрядку в отношениях между Россией и США. Что само по себе наивно, так как не учитывает элементарных геополитических законов. Ибо разрядка эта возможна только после подписания Россией акта о безоговорочной капитуляции.

Собственно, главными пунктами, которые задумывались как «прорывные» во внешнеполитической деятельности президента Дмитрия Медведева, были развитие отношений с НАТО и ратификация нового договора по СНВ-3. Теперь, когда уже можно подвести итоги медведевского правления, очевидно, что оба этих действия завершились неизбежным и абсолютным крахом. Хорошие, как казалось, личные отношения с Обамой и совместное поедание гамбургеров не изменили, да и не могли изменить системных отношений с США в силу того, что там правит не личность, а консолидированная элита. Поэтому все наши уступки, сделанные в одностороннем порядке, были восприняты американскими коллегами должным образом – как логичная сдача своих интересов со стороны более слабого государства более сильно-

му. Когда речь идёт о России, любые уступки с нашей стороны американцы воспринимают как проявление слабости, всегда используя их против нас. Американцы – чёткие, хладнокровные и последовательные реалисты. И глазом не моргнув, реализуя тот же самый сценарий раз от раза. А мы в очередной раз не можем поверить в то, что они опять и опять реализуют именно его, поэтому снова и снова наступаем на те же самые грабли.

Мало того, администрация Обамы в конце концов потерпела внутривнутриполитическое крушение, а популярность самого Обамы развеялась, в результате чего все его внешнеполитические инициативы чуть ли не с самого начала воспринимались как нелегитимные внутри самих США и не поддерживались ни элитой, ни населением. А со стороны некоторых сенаторов и даже кандидатов в президенты Обама вообще подвергся испепеляющей критике за мягкотелость в отношениях с Россией. В этой связи можно считать, что ставка на Обаму и развитие личных отношений с ним была исключительно наивной, что не так сложно было предвидеть, обладая хотя бы зачатками политической прозорливости.

Сближение с НАТО – те самые грабли родом из 1990-х, которые вновь оказались на пути нового либерального президента. Естественно, никакие усилия Медведева никак не могли изменить отношения блока НАТО к России: договариваясь с нами и декларируя смягчение позиций, руководство НАТО в те же самые дни готовило программу «План дей-

ствий на случай агрессии РФ против стран Прибалтики», где позиционировало Россию как исключительно враждебную, агрессивную и оппонирующую сторону. В результате утечки информации из внутренних документов НАТО, благодаря которой это и стало известно, все усилия «налаживания отношений» с НАТО были разом перечёркнуты.

Один из «прорывных» пунктов внешней политики Медведева, ситуация с договором СНВ-3, – непоправимый удар по международному имиджу России. С самого начала Медведев всё поставил на ратификацию этого договора, загнав, таким образом, себя в угол, ибо уже тогда было не до конца понятно, какие последствия для России были бы хуже – ратификация его американскими сенаторами или всё же отказ от ратификации. Откровенные же американцы, как всегда, не скрывали своих истинных намерений. Циничные призывы американских политиков, в частности Джо Байдена, к Сенату звучали буквально так: «Если ратификации не произойдёт, то США не смогут держать под надзором российский ядерный арсенал»²¹.

Сами сенаторы также не стеснялись в выражениях. Так, Ламар Александер, сенатор Республиканской партии от штата Теннесси, прямо заявил: «Я проголосую “за” потому что таким образом мы сможем проводить инспекции россий-

²¹ Сайт Wikileaks опубликовал секретные депешы американских дипломатов, в которых, в частности, вице-президент США Джо Байден прямо высказывался по поводу ратификации договора СНВ-3.

ских ракет и договор не повлияет на развитие нашей противоракетной обороны»²². Таким образом, подлинные причины всех усилий со стороны США становятся очевидны. СНВ-3 ограничивает число стратегических ядерных зарядов для каждой из стран до 1550 единиц, а также утверждает систему инспекций ядерных вооружений. До этого больше года подобные проверки странами не производились. Для Обамы ратификация договора СНВ-3 – это практически единственная за весь его первый президентский срок большая внутриполитическая победа, которая на фоне неудач Демократической партии на выборах была ему крайне необходима. И, похоже, чтобы поддержать «друга Барака», его российский коллега был готов пойти на большие жертвы. Следует заметить, что ситуация могла бы быть ещё хуже, если бы голосование было отложено на пять недель – до оглашения результатов выборов, где демократы потеряли то, что имели в момент голосования. Тогда условия для России были бы ещё менее выгодными, о чём открыто заявлял Линдси Грэм, сенатор Республиканской партии от штата Южная Каролина: «Я просто не понимаю, почему мы не можем подождать недель пять, когда мы сможем выторговать гораздо более выгодную для США сделку?»

Инициировав новое соглашение по СНВ-3, мы сами загнали себя в тупик. Из всего изложенного следует, что пол-

²² Сюжет телекомпании «НТВ» от 22.12.2010 (<http://www.ntv.ru/novosti/214359/>).

ное внешнеполитическое фиаско России периода медведевского правления – следствие системно неверного выбора приоритетом западного направления и попытки развития отношений с США и НАТО. Это то, что заведомо не могло принести России положительного результата. По этой причине все усилия были не то чтобы совсем произведены впустую, скорее, они имели обратный результат.

СНГ: приоритеты третьего сорта?

Летом 2010 года, встречаясь с работниками российского МИДа, Дмитрий Медведев, будучи на тот момент президентом, поставил отношения России со странами СНГ на третий план, чем прямо дал старт активному поиску политическими руководителями стран СНГ новых приоритетов внешнеполитических отношений, новых контактов, новых связей за спиной у России. По сути, российское руководство легитимизировало принцип «каждый сам за себя» и открыло возможность политическим лидерам стран СНГ искать лучшей доли на стороне.

Как следствие – тактически была проиграна ситуация в Киргизии, в результате чего произошла абсолютная изоляция России от происходящей чехарды смены власти в этой стране, от чего Россия просто самоустранилась. В итоге в Киргизии всё сложилось без нашего участия. Принятие новым президентом Киргизии Алмазбеком Атамбаевым про-

российского курса уже можно отнести на счёт Владимира Путина. А если бы президентом стал не Атамбаев? А если бы американцы вовремя подсуетились и он принял бы другой курс? Что говорить, повезло.

Президент Туркмении Бердымухамедов в ответ на медведевский демарш перенёс развитие отношений с Россией на третий план. В отношениях с Таджикистаном мы также испытали некое охлаждение, видимо потому, что слишком велика оказалась обида президента Эмомали Рахмона на открытую проузбекскую позицию Москвы в вопросе достройки Рогунской ГЭС.

Хотелось бы назвать достижением создание Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, но на фоне испорченных Медведевым отношений с Минском назвать это успехом тоже будет большой натяжкой. Ну, а уж реализация большого проекта Евразийского союза, продекларированного Владимиром Путиным в программной газетной публикации, – это пока только благие намерения, планы на будущее. Особенно на фоне заявлений Нурсултана Назарбаева, который, встречаясь с главами иностранных дипмиссий, высказался категорично: «Мы будем продолжать двигаться к общей цели, я хочу ещё раз подчеркнуть, что евразийская интеграция, которая осуществляется по моей личной инициативе, никогда не была и не будет нацелена на реинкарнацию какого-нибудь политического союза, тем более канувшего в

Лету бывшего Советского Союза»²³.

Единственное направление, в котором ситуация поначалу вроде бы стала развиваться более или менее благоприятно для России, это отношения с Украиной. Но происходило это, увы, также вопреки российским усилиям, ибо президент Виктор Янукович, которого в России долгое время считали пророссийским, смог занять первую политическую позицию на Украине только после того, как там подзабылась кампания 2004 года, учинённая российскими политтехнологами. В итоге, кроме достижения договоренности о строительстве моста через Керченский пролив, больше никаких активных успехов Россия не продемонстрировала. Всё, что происходит на Украине, происходит без участия России, которая не приложила к этому никаких сил. Поэтому-то и нельзя достижения в отношениях с этой страной считать плодом нашей внешнеполитической деятельности. Ну а уж разногласия по ценам на газ и ряд антироссийских демаршей Киева окончательно свели на нет все неожиданно возникшие успехи.

Одновременно с этим грузинская военная машина продолжила набирать обороты. Режим Саакашвили, изначально настроенный недружелюбно, планомерно по-американски продолжал реализовывать свои агрессивные военные планы в отношении Южной Осетии и Абхазии, и Россия так

²³ Нурсултан Назарбаев: Евразийская интеграция никогда не будет нацелена на реинкарнацию СССР // Официальный сайт президента Республики Казахстан, 18.01.2013.

и не смогла изменить этого настроя, даже после, казалось бы, одержанной нами победы августа 2008-го. Учитывая то, что и новый глава правительства Грузии Бидзина Иванишвили пришёл к власти не без участия американских кураторов, эта проблема не снята, а скорее, отложена. В результате всё, что касается отношений со странами СНГ, развивается по тому сценарию, который и был задекларирован: если СНГ для России имеет третьестепенное значение, то и для стран СНГ Россия стала выглядеть более чужой.

Если же выйти за пределы постсоветского пространства, то и там мы не обнаружим особых успехов. Вспыхнувший в 2010 году конфликт на Корейском полуострове в очередной раз и со всей очевидностью вскрыл слабую позицию России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ибо всем стало ясно, что от России эта ситуация не зависит никак. Развивается она при активном участии США и Китая скорее в сторону реализации исключительно американских интересов, абсолютно игнорирующих позицию России. Которой к тому же и нет, что окончательно подтвердилось после смерти Ким Чен Ира, на которую отреагировали все стороны региона кроме России. Подробнее тему потери Северной Кореи и последствия этого для России мы рассмотрим далее.

То же самое касается и всех остальных конфликтов: все козыри, которые Россия могла реализовать, — отношения с Ираном, Белоруссией, что давало, в частности, возможность стратегического продвижения на Запад и сближения с Цен-

тральной Европой, Германией и Евросоюзом в целом, – были бездарно растеряны. Реализовав все выгодные комбинации не в свою пользу, но в угоду интересам глобального Запада, Россия продемонстрировала добрые намерения, которые американцы цинично использовали в своих интересах.

Правление Медведева в области «международных отношений» стало одним из худших за всю историю России. Насколько в этом виноват сам Медведев – вопрос дискуссионный, но то, что каждый наш внешнеполитический провал приближает нас к ситуации военного удара по России, – факт, ведь именно слабость провоцирует агрессию. А это то, что мы не устаём демонстрировать раз от раза, – слабость и отсутствие стратегического видения ситуации. Об отсутствии стратегического видения у многих поколений российских политиков ещё в 1912 году писал первый русский геополитик Алексей Ефимович Вандам (Едрихин). «Среди поднятых Вандамом тем центральной представляется тема “высшей стратегии”, то есть стратегии государства. Анализируя роль этой стратегии в истории нашего Отечества, Вандам раскрывает панорамную картину великих государственных деяний наших предков и упущенных Российским государством возможностей для подъёма благополучия своих подданных, укрепления безопасности страны, улучшения её геополитического положения в вечной, по его мнению, борьбе народов и государств за лучшее место под Солнцем. Эта борьба ведётся непрерывно то в формах мирного соперни-

чества, то посредством ожесточённых войн. Вандам считает, что Россия в этой борьбе очень многое проиграла по причине несовершенства или отсутствия у государства стратегии своего исторического развития. Но это не плач по истории. Вандам обеспокоен, прежде всего, тем, что имевшие место факты легковесного и безответственного отношения к разработке и проведению стратегии России в случае их повторения сыграют злую роль в её будущей судьбе. С того времени, как он писал об этом, прошло 100 лет бурного XX века. Наше положение сегодня подтверждает, что Вандам имел веские основания для серьёзного беспокойства за судьбу своего Отечества по причине частого несоответствия государственной стратегии его важнейшим для будущего благополучия и безопасности интересам»²⁴.

²⁴ Даниленко И. С. Высшая стратегия и судьбы отечества. Послесловие к переизданию книги: Вандам А. Е. Наше положение. – СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912.

Авангардный ход российской дипломатии

На фоне просчётов, провалов и пустых деклараций к числу некоторых внешнеполитических успехов, пусть и несколько авангардных и даже слегка хулиганских, можно отнести то, что в российском МИДе появилась новая должность – Уполномоченный по правам человека, демократии и верховенства права. Отныне Россия будет следить за демократическими процессами в других странах. По крайней мере так заявляется. А что? Наше государство – не самое маленькое на планете, а значит, полноправно стремясь к постулированию своих взглядов и приоритетов, действительно должно контролировать соблюдение демократических прав и свобод на Западе, хотя многие и считают, что мы, дескать, не имеем права вмешиваться во внутренние дела других стран. Однако всё здесь зависит от теоретического подхода к проблеме – какая модель взята, такие и последствия. Если мы стремимся скопировать с Запада либеральную модель, то действительно не имеем, но если же мы реалисты – тогда позвольте, на сколько хватит возможностей, настолько и будем вмешиваться. И всё же назначение Уполномоченного по правам человека и демократии – действие, лежащее скорее в области постпозитивизма, и есть не что иное, как попытка сформировать реальность под себя. Пусть неуклюжая,

пусть ничем не подкреплённая, но это всё же жест, сопоставимый с захватом аэропорта косовской Приштины батальоном Юнус-Бека Евкурова в 1999 году.

Введение МИДом должности Уполномоченного по вопросам прав человека, демократии и верховенства права – шаг очень своевременный и гармонично вписывающийся в ту концепцию, которую провозгласил президент США Барак Обама и которая направлена на достижение некоего политического плюрализма на международной арене. Провозгласил – получай. Это хороший задел, который надо развивать: вслед за МИДом и другие государственные и негосударственные структуры и учреждения должны ввести подобные должности для того, чтобы помочь разобраться с понятиями «права человека» и «демократия». Ведь понятия эти требуют широкого обсуждения, и в формировании их определений нужен многосторонний диалог. Постпозитивизм – это дипломатия в сторону широких сред, вот к ним и обратимся.

Возьмём, к примеру, понятие «*демократия*». В представлении французского философа и традиционалиста Алена де Бенуа существует как минимум три разновидности демократии: демократия *свободы*, демократия *равенства* и демократия *братства*. Одно дело – демократия свободы, это, собственно, либеральная демократия, та модель, которую Запад навязывает всему остальному миру, частично восприняв её сам (это касается в первую очередь Европы, в США даже с

этим типом демократии большие проблемы). Другое дело – демократия равенства, это своего рода «народная демократия», та, что существовала в СССР, что реализовалась в Германской Демократической Республике, КНДР и других советских демократических государствах. Это демократия сталинизма, если рассматривать последний как модель социального устройства в отрыве от издержек исторического контекста. И уж совсем иная история – демократия братства, являющая собой органическую демократию традиционных общин, этносов или даже искусственных общин (лежащих в основании фашистской идеологии в частности). Однако Запад высокомерно отвергает все иные демократии, волюнтаристски утверждая право на существование только одной – либеральной «демократии свободы». А это крайне недемократично, и с этим должно разобраться российскому уполномоченному по вопросам демократии, растолковав тоталитарной американской системе, что нужно проявлять больше плюрализма и терпимости в отношении демократий и трактовать права человека не через узкую щель либерал-демократии, а рассматривать это явление во всей полноте демократического «ассортимента».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.